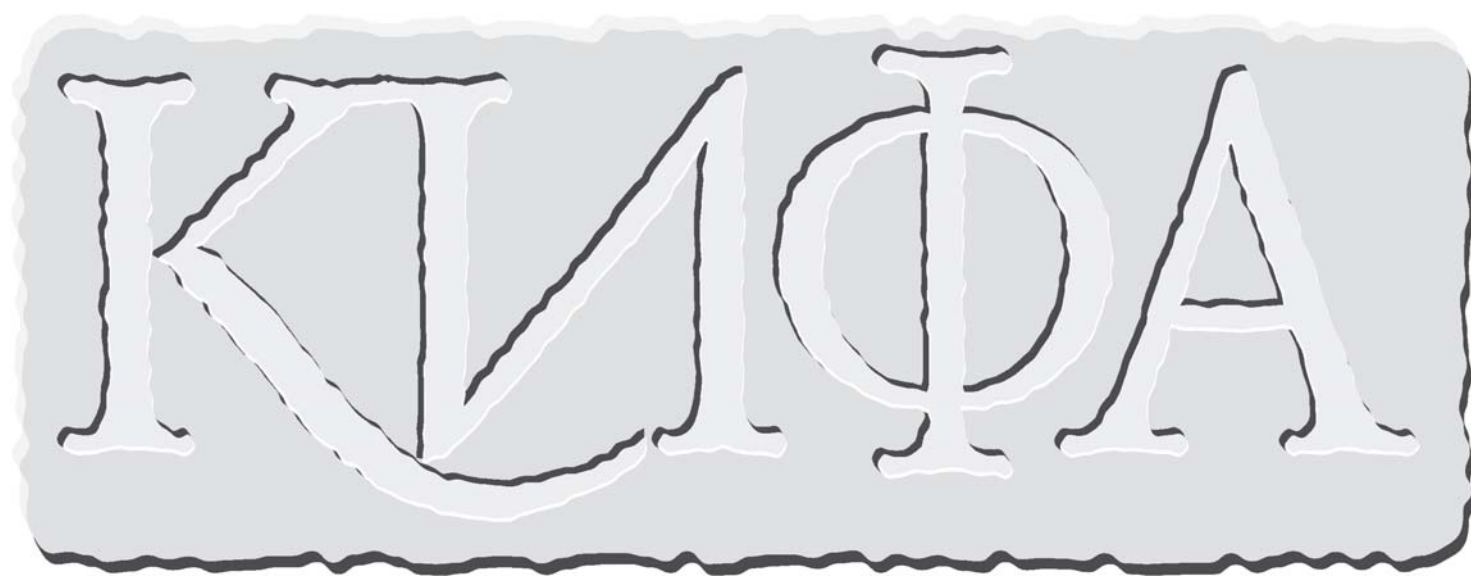

15⁽¹³⁷⁾
ноябрь 2011

Издание
Преображенского содружества
малых православных братств

В газете используются
материалы сайтов sfi.ru и psmb.ru
Электронная версия газеты gazetakifa.ru

Одобрено Синодальным
информационным отделом
Русской Православной Церкви

ОБНОВЛЕНИЕ ЦЕРКВИ В БОРЬБЕ ПРОТИВ ОБНОВЛЕНЧЕСТВА

В марте 1924 г. по благословению патриарха Тихона епископ Макарий (Опоцкий), известный своей приверженностью опыту Крестовоздвиженского трудового братства, ученик и последователь Н.Н. Неплюева, был назначен Череповецким викарием Новгородской епархии. Церковная ситуация, сложившаяся в Череповце к этому времени, требовала принятия безотлагательных мер. Дело в том, что обновленцы еще осенью 1922 г. выделили Череповецкую епархию в самостоятельную и поставили там своего епископа — Иоанна Звездкина. В свою очередь епископ Тихон (Тихомиров), назначенный в 1920 г. патриархом на Кирилловскую викариатскую кафедру для окормления Кирилловского, Череповецкого и Белозерского уездов, отказался от участия в делах обновленческого Церковного Управления и удалился на уединенное жительство в Нило-Сорскую пустынь. Обновленчество в Череповце и его окрестностях быстро отвоевывало позиции у патриаршей церкви и вскоре «тихоновских» приходов здесь практически не осталось.

Окончание на с. 5

Храм Рождества Христова (1789 г.) в быв. с. Рождественское. В настоящее время храм находится в городской черте Череповца. В 1924-26 гг. еп. Макарий (Опоцкий) периодически служил в Рождественском храме по приглашению приходской общины. Последним священником этого храма был отец Андрей Артамонов — секретарь еп. Макария (Опоцкого) и член его братства в селе Богородское Череповецкого уезда. Фото Анны Дмитренко

НИКОЛАЙ БЕРДЯЕВ И ПРАВОСЛАВНАЯ ТРАДИЦИЯ

Из книги Оливье Клемана «Русский философ во Франции»

К 90-летию юбилею Оливье Клемана мы публикуем отрывок из его книги о Николае Бердяеве. Это исследование ценно для современного читателя как минимум по двум причинам.

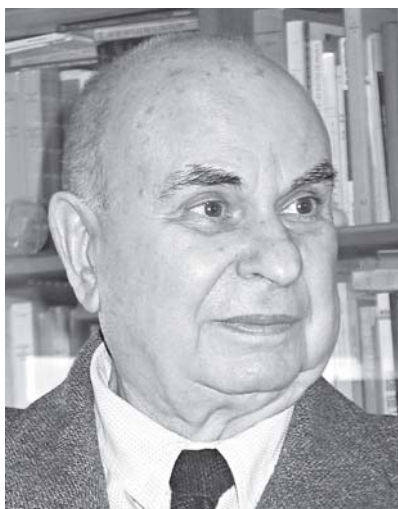
Во-первых, как подчеркивает сам Клеман, Бердяев был одним из тех, кто невольно содействовал его обращению из неверующего агностика в христианство, причем в христианство православное, которое открылось ему в том числе благодаря пророческому свидетельству русского философа о свободе во Христе. Таким образом, осмысление Клеманом бердяевских идей приоткрывает перед нами тайну обращения самого французского богослова, рисует ту повесть духовной судьбы человека, чтение которой никогда ни для кого не будет занятием напрасным.

Во-вторых, Клеман прочитывает Бердяева, сообщая нам богословскую интерпретацию его идей. Это особенно ценно в наше время, когда интерес к Бердяеву сильно упал, когда внешняя канва его жизни и творчества достаточно изучена, но на глубине его понимают все так же недостаточно, как и прежде

(на что он сам иногда сетовал в своих книгах). Понять пророка может только тот, кто сам в какой-то степени является пророком. Клеман несомненно обладал творческим даром богословствования в русле восточно-христианской традиции, с ее акцентом на гнозисе (но не на гностицизме!) и на таинственном видении явления божественного света и славы, просвещающих сквозь все творение, являющихся предзнаменованием грядущего преображения и человека, и всего мира.

Клеман намечает пути для снятия тех внешних антиномий в мысли Бердяева, которые для многих были и продолжают быть препятствием в осознании его великого призвания в православии как нового пророка и христианского гностика, которое столь точно предвидел св. старец Алексий Мечев, благословляя его на изгнанническую жизнь и труды вне родины.

Книга *Olivier Clement. Berdiaev — Un philosophe russe en France. Paris* вышла в 1991 г. на французском языке и до сих пор не переведена на русский. Публикуемый отрывок впервые открывает ее для русскоязычного читателя.

Сегодня после стольких недоразумений необходимо сказать со всей определенностью: Николай Бердяев был, есть и, несомненно, будет одним из наиболее значимых исповедников православной веры, причем со временем значение его трудов будет только возрастать.

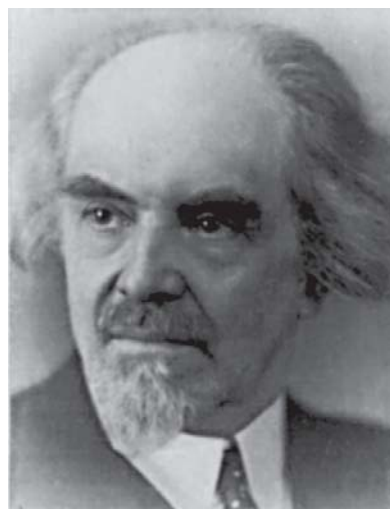
Уже сегодня в России многие молодые люди из тех, кто горяч и требователен, кто жаждет найти свободу и смысл жизни, именно благодаря ему открывают православие. Я постараюсь раскрыть и показать связь между Бердяевым и православием сначала в исторической, а затем в духовной области.

I.

В истории часто действует принцип: каковы идеи, таковы и люди. В православной церкви Бердяев известен как религиозный философ. Он — мирянин, соединяющий в себе пророческий дар и дар христианского гнозиса.

а) Бердяев — русский религиозный философ, или, в более широком смысле, так как Греция и Румыния знали аналогичные примеры, просто религиозный философ. Он никогда не считал себя богословом в банальном смысле этого слова: измерителем правильности веры, по выражению Анри Марру (H.I. Marrou), «корректором меры и веса» в церковной организации. Он всегда тщательно хранил свое право свободного исследования, свою судьбу исследователя, включающую все опасности; ту землю, которая едва появилась из океана будущего.

Как религиозный философ он одновременно противопоставляет себя и схоластическому богословию, имеющему тенденцию система-

тизировать таинство и как бы овладевать им рационально, и философии западного типа, упорно использующей рефлексивные приемы для познания вопросов бытия, которые этим приемам не поддаются.

Окончание на с. 4

В НОМЕРЕ:

Вопрос исполнения воли Божьей

в Санкт-Петербурге прошел совместный семинар Свято-Филаретовского православно-христианского института (СФИ) и Русской христианской гуманитарной академии (РХГА), посвященный проблемам переводов библейских и богослужебных текстов

С. 3

Зачем в Церкви нужны миссионеры

Накануне Годичного Акта Свято-Филаретовского православно-христианского института мы публикуем интервью с Натальей Адаменко, преподавателем миссиологии

С. 6

Я дождусь

Готовы ли мы добиваться правды Божьей?

С. 7

Погляди на брата

Интервью с Александром Копировским, сопредседателем братства «Трезвение» о проблемах современной православной аскетики

С. 8

В приложении «Открытая встреча» — ответы на вопросы и рассказ о пути к Богу и в Церковь, прозвучавший на открытии выставки «Неперемолотые» в Пскове

Свидетель красоты и свободы

17 ноября исполнилось бы 90 лет Оливье Клеману († 2009), одному из самых выдающихся православных богословов нашей эпохи.

Оливье Клеман родился в 1921 г. на юге Франции в нерелигиозной семье. Духовные поиски, знакомство с философией XIX–XX вв. и особенно встреча с творчеством Ф.М. Достоевского и Н.А. Бердяева, а также личное общение с В.Н. Лосским и другими деятелями русского зарубежья к тридцати годам привели Оливье Клемана к принятию крещения в православной церкви. Тогда же он начал преподавать в Свято-Сергиевском институте, а через несколько лет стал редактором богословского журнала «Contacts». В 1996 г., когда был сформирован попечительский совет Свято-Филаретовского института, Оливье Клеман стал одним из его членов.

Искренне полюбив православную традицию и найдя в церкви ответы на самые главные вопросы, Оливье Клеман отдал многие годы изучению святоотеческого наследия церкви. Одним из плодов этого стал его труд «Истоки» (1986). Но главное, что позволяет назвать Оливье Клемана не просто церковным историком или специалистом по святоотеческому богословию, а именно богословом, — то, что он воспринял на самой глубине церковную традицию. От святых отцов он унаследовал сам их богословский метод — способность к открытому диалогу с современ-

ностью и внятное, отвечающее на ее вызовы и вопрошания свидетельство о красоте, которая «есть более не красота обладания, но красота общения», — ссылается он на Дионисия Ареопагита.

Изнутри самостоятельно обретенной глубокой веры Оливье Клеман ясно видел возрастающее в секулярном мире «ожидание слова как пробуждения, освобождения, откровения смысла». И это делало для него столь очевидным призвание церкви в современном мире — вновь стать «местом обитания слова», которое «должно быть получаемым и переживаемым в общении церкви, в духе единства и соборности». Духовное влияние церкви на общество он связывал с ее способностью «реагировать на импульсы или всходы веры» и давать «пример свободы в самой себе, в своей внутренней структуре и своем бытии».

Оливье Клеман неоднократно читал лекции в СФИ и был большим другом института. Когда его ректор, свящ. Георгий Кочетков, и представители просветительно-благотворительного братства «Сретение», учредителя СФИ, в последний раз были в гостях у Оливье Клемана, он увидел у одного из них на груди значок братства. Богослов стал расспрашивать о братстве, очень воодушевился и сказал, что тоже хочет вступить в него, — тогда один из братьев отдал ему свой значок.

Информационная служба СФИ

В Берлине состоялось совместное пастырское совещание двух епархий Русской Церкви в Германии

3–4 октября 2011 года в Берлине состоялось совместное пастырское совещание двух епархий Русской Церкви в Германии. В совещании приняли участие три иерарха — правящий архиерей Германской епархии Русской Зарубежной Церкви архиепископ Марк, правящий архиерей Берлинской епархии Московского Патриархата архиепископ Феофан и викарий Германской епархии Русской Зарубежной Церкви епископ Штутгартский Агапит. На совещании присутствовали 80 священнослужителей.

Особое внимание было уделено теме языка богослужения. Как отметили священнослужители, церковнославянский язык представляет великую ценность — он углубляет восприятие русского языка и культуры — как духовной, так и светской. Свое единодушное мнение по этому вопросу участники совещания изложили в резолюции (см. ниже).

Детально рассматривалась работа, проводимая в Германии совместной Комиссией по переводам на немецкий язык, которая трудится под председательством архиепископа Марка. В комиссии участвуют представители епархий ряда Поместных Православных Церквей, находящихся на территории Германии. На пастырском совещании в Берлине присутствовало трое участников данной комиссии. Новый перевод Божественной литургии на немецкий язык предложен для молитвенно-богослужебной практики с целью дальнейшего совершенствования текста. Было отмечено, что при переводе следует учитывать как смысловые богословские категории, так и музыкальные качества переведенного текста. Пастырям, совершающим богослужение на немецком языке, предложено направлять отклики на осно-

ваний опыта своего служения с целью дальнейшего улучшения переводов.

Состоялась дискуссия о правовом положении православных общин в Германии, возможности их юридического оформления для обеспечения деятельности в социальной и образовательной областях.

Из резолюции пастырского совещания Русской Православной Церкви в Германии — Берлинской епархии Московского Патриархата и Германской епархии Русской Зарубежной Церкви.

1. Пастырское совещание по обсуждению решило выступить в пользу сохранения церковнославянского языка, который углубляет восприятие русского языка и культуры — как духовной, так и светской. В России по школьной программе предполагается знакомство с древнерусским и церковнославянским, желательное расширение объема, неформальное и углубленное изучение корней нашего языка. Совещание предлагает тему церковнославянского языка отразить в соответствующем модуле предмета «Духовно-нравственная культура» с тем, чтобы российские школьники имели дополнительную возможность познания глубины своих национально-культурных основ. В Германии при пастырском окормлении вопросу усвоения церковного языка следует придавать особое значение не только для детей, но и для взрослых: воцерковление связано со стилией Слова.

Умеренное обновление возвышенного церковнославянского языка было сочтено желательным не только в словарном составе, но и в изменении часто сложного (перенятого с греческого) синтаксиса и грамматических форм.

www.patriarchia.ru

Православие за рубежом

ЖИТЬ ПО-ХРИСТИАНСКИ ЛЮДЯМ МЕШАЕТ КУЛЬТ ИНДИВИДУАЛИЗМА

Интервью с Георгием Хараламбэйдом
(Румынская православная церковь)

Беседа состоялась во время Международного молодежного фестиваля, организованного Всемирным православным братством «Синдесмос». Многие из участников фестиваля представляли посткоммунистические государства, в которых церковь особенно прославилась в XX веке новомучениками и исповедниками. Георгий Хараламбэйд привез стенды, рассказывающие о жертвах коммунистического режима в его стране, Румынии, о людях, которые в условиях лагерей и тюрем смогли не только сохранить человеческое достоинство, но и спасти жизнь тем, кто был рядом с ними, часто ценой своей собственной жизни. После рассказа Георгия состоялась раз- говор, участники которого отмечали, что первый шаг к по- каению за грехи XX века — назвать черное черным, а белое белым. Но чтобы по-настоящему усвоить опыт людей, со- хранивших верность Христову пути в самых невыносимых условиях, необходимо обрести глубокую веру и укоренять свою жизнь в Евангельском откровении.

— Георгий, как Вы считаете, что приводит современных молодых людей в Церковь?

— Я могу сказать о своем личном опыте, который связан с румынской церковью. В Румынии сегодня молодые люди приходят в церковь благодаря жертве предыдущего поколения. В XX веке многие люди в Церкви и ради Церкви отдали свою жизнь или пострадали во имя Божье. И после падения коммунистического режима Господь начал показывать нам этих прекрасных людей, начал являть чудеса и открывать Своих святых. В нашей стране было опубликовано много книг о них. И восприимчивые, открытые к новому молодые люди стали интересоваться судьбой новомучеников и постепенно узнавать дух, которым они жили. Это первая причина.

Другая причина, которая сыграла роль и в моем случае, в том, что люди старшего поколения — бабушки, дедушки — ходили в церковь и брали с собой детей. Если ты родился в православной стране, то общий контекст жизни таков, что ты получаешь возможность так или иначе контактировать с церковью. Это не значит, что ты автоматически становишься настоящим христианином, но ты по крайней мере получаешь такую возможность. Что-то запечатлевается в твоей памяти и в твоём сердце: пение хора, какие-то обычаи, что-то такое, что позволит тебе знать, куда ты можешь обратиться в непростые моменты жизни.

— Но все-таки христианство связано с соотношением своей жизни с Евангелием. Есть ли что-то такое, что труднее всего принять и воплотить в своей жизни?

— Если говорить о том, что мешает, то в целом, я думаю, это эгоизм. В нем причина грехопадения, и он же мешает нам сегодня. Эгоизм, гордыня и безразличие. Безразличие тоже связано с эгоизмом. И это самое трудное — убить «себя» именно в таком смысле, ради другого.

Многие беды в истории случались не из-за чьей-то злой воли, а просто из-за того, что никому до этого не было дела, из-за того, что христиане слишком попустительствовали. Нам очень важно чувствовать свою ответственность за происходящее, за грехи, которые совершает все поколение. Мы должны быть внимательными к происходящему в обществе и участвовать в общественной жизни. Потому что христианин — это не просто одинокий и скромный человек, который постоянно молится у себя на кухне. Он также и член общества. И сейчас, учитывая процессы глобализации, мы должны учиться отвечать и за то, что происходит во всем мире, быть едиными именно как христиане, образовывать группы, в том числе и во всемирном масштабе. Поэтому так важно существование таких сообществ, как ваше братство! Именно объединяясь, христиане могут одухотворить свои таланты, обрести призвание.

Я могу привести такой пример: когда Евросоюзу было предложено Лиссабонское соглашение, там не было ни слова о христианских ценностях. Европейская конституция не отсылает к христианским ценностям! А убрать из европейской культуры и цивилизации христианские основания — значит убрать главное. Но именно из-за недостаточной общественной активности ничего не было предпринято.

И возвращаясь к вопросу о том, что еще очень мешает жить по-христиански, — это

культ индивидуализма — индивидуализма, а не личностности. Культивируется индивидуум, состоящий из прав и обязанностей, безопасность которого обеспечивается законом, но в котором подавлена личность. Он может говорить на шести языках, быть высококлассным специалистом в своей области, но его душа страдает некой ущербностью.

— А что церковь может этому противопоставить? Какую альтернативу мы можем показать и как это сделать?

— Нам нужно больше собираться вместе, чтобы укреплять межличностное общение, а не только какие-то внешние вещи, интернет-общение и т.п. Необходимо проявлять милосердие, но милосердие в истинном смысле, не просто как некое эмоциональное отношение, и стремиться к искренности. Потому что это то, что открывает нашу душу. Одним словом, от церкви требуется большая человечность. Все слишком роботизировано.

— Как могут христиане помогать своим друзьям приходить в церковь?

— Наверное, по-разному. Прежде всего, своим отношением, нормальным образом действий. Это значит, проходя мимо храма — перекрестись. Это может действовать на людей немного провокационно, но в хорошем смысле. Не нужно доводить этот принцип до абсурда. Не нужно идти на дискотеку, чтобы там при всех помолиться. Но нужно вести себя несколько иначе, чем принято. Например, если ты не спишь со всеми подряд, это как-то отразится на твоём лице, и люди это увидят. Если ты не пытаешься везде вставить слово или привлечь к себе внимание, станет понятно, что ты больше сосредоточен на внутренних сторонах жизни. Люди не глупые, они это поймут. И в зависимости от того, как настроено их сердце и как им захочется, они выстроят свои отношения с тобой. Нужно делать все, что соответствует твоей вере: молиться и так далее. Но только не напоказ. Одним словом, важно быть собой.

— Есть ли у молодежи какие-то особые возможности, чтобы послужить в Церкви?

— Думаю, общий принцип таков, что нужно узнать себя, узнать свой дар. В принципе, человек может делать все что угодно. Если он хорошо рисует, он может сделать выставку работ, если он хороший певец, может петь. Всякий дар, который дает Господь, может быть одухотворен.

— Какое у тебя основное впечатление от фестиваля?

— Я уезжаю на подъеме. Я кое-чему научился, например, я раньше не знал, как важно причащаться каждый раз, когда ты участвуешь в литургии. И я бы хотел обратить внимание еще на одну вещь. Для западного общества довольно обычно, что на подобных мероприятиях, не обязательно христианских, создается душевная, дружественная атмосфера. Но в данном случае чувствуется что-то гораздо большее: мы открыли в себе детей, я встретил умы и сердца детей — чистые и невинные, без второго дна.

Беседовала София Андросенко
Фото Эндриу Яббора

¹ Преображенское братство

ВОПРОС ИСПОЛНЕНИЯ ВОЛИ БОЖЬЕЙ

17 ноября в Санкт-Петербурге прошел совместный семинар Свято-Филаретовского православно-христианского института (СФИ) и Русской христианской гуманитарной академии (РХГА), посвященный проблемам переводов библейских и богослужебных текстов. Более ста человек, священников и мирян из разных епархий РПЦ, собрались для продолжения разговора, начатого в мае этого года по благословению митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Владимира на презентации семитомника переводов «Православное богослужение», изданного СФИ.

Открывая вечер, ректор РХГА доктор философских наук Дмитрий Бурлака отметил, что оба вуза, СФИ и РХГА, объединяет стремление к живой проповеди слова Божьего и опора на традицию религиозно-философского возрождения конца XIX — начала XX века.

Анатолий Алексеев, доктор филологических наук, профессор

СПбГУ, в течение нескольких лет работавший вместе с С.С. Аверинцевым над переводом отдельных книг Нового завета, сейчас обучает библейскому переводу студентов. Профессор рассказал о трудностях и задачах переводов библейских текстов на русский язык. Нужны разные тексты, выполняющие различные церковные задачи (миссионерскую, катехетическую, литургическую и др.), поэтому духовная и интеллектуальная переводческая работа над текстами Библии никогда не может прекратиться.

Перевод церковных текстов помогает живому усвоению апостольского и святоотеческого предания. Без этого усилия невозможны ни литургическая жизнь, ни миссия церкви, считает ректор СФИ профессор. Георгий Кочетков. Кратко описав многовековую историю богослужебных переводов в русской церкви, ректор СФИ обратил внимание присутствующих на отрядный факт современной церковной

жизни: если еще несколько лет назад проблема непонимания богослужения просто замалчивалась, то сегодня около половины православных христиан в России говорит о ней открыто. Он подчеркнул, что в церкви важен как дух, так и смысл богослужения, а умаление смысла всегда влечет за собой умаление духа. Переводить Священное писание, богослужебные тексты и творения святых отцов так, чтобы они были понятны современному читателю, — вопрос исполнения воли Божьей, заключил докладчик.

Миссионерского аспекта перевода коснулся протоиерей Владимир Федоров, директор православного института миссиологии. Профессор СФИ Александр Копировский сказал о серьезной проблеме — отсутствии вдумчивой и ответственной общецерковной реакции на уже существующие и появляющиеся переводы. Зав. кафедрой Священного писания и библейских дисциплин СФИ Лариса Мусина подчеркнула важность того, чтобы Священное писание всегда оставалось основой церковной жизни и молитвы. Неслучайно в издании семитомного собрания переводов «Православное богослужение» указаны ссылки на места из Библии, которые цитируются в том или ином литургическом тексте: молящимся важно знать, как в богослужении используется Писание.

Тема переводов нашла отклик у всех собравшихся — священников, монашествующих, семинаристов, студентов и преподавателей СПбГУ, РХГА и СФИ, обычных прихожан, порой призывавших «поклониться божественному церковнославянскому языку». Участники семинара живо вступали в дискуссию, чувствовалось, что равнодушных к разговору в зале нет.

Информационная служба СФИ
Фото Сергея Туманова

В МГУ СОСТОЯЛАСЬ КОНФЕРЕНЦИЯ
«СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ ЦЕРКВИ»

7–8 ноября в Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова состоялась международная научная конференция «Современные проблемы изучения истории Церкви». Ее организатором выступила кафедра истории Церкви МГУ — единственная в России подобная кафедра в светском вузе. На двух пленарных и пяти секционных заседаниях прозвучало около 100 докладов по широкому кругу тем, в том числе истории Русской церкви в XX веке, взаимоотношениям церкви и государства, церкви и общества, межконфессиональному диалогу, церковной археологии, искусству, источниковедению и другим.

Конференция собрала специалистов из вузов России и зарубежья: МГУ, РГГУ, ТвГУ, Ровенского государственного гуманитарного университета, Университета Палаццо-го, Латвийского университета, ЦНЦ «Православная энциклопедия», Московской духовной академии и других. Свято-Филаретовский православно-христианский институт на конференции представляли семь человек, в том числе члены кафедры церковно-исторических дисциплин и выпускники института.

Зав. кафедрой церковно-исторических дисциплин СФИ канд. истор. наук К.П. Обозный, один из ведущих секции «Иерархия и власть», выступил с докладом «Православная Церковь на Северо-Западе России в условиях тоталитарных режимов: период немецкой оккупации (1941–1944) и послевоенного пятилетия советской власти (1945–1949) (опыт сравнительного исследования)». На этой же секции декан богословского факультета СФИ З.М. Дашевская представила доклад «Духовные дарования

и иерархические степени в молитвах поставления на служение Церкви в древних церковных памятниках». Проанализированные в нем источники свидетельствуют о постепенном переосмыслении в истории церкви новозаветного епископства, пресвитерства и дьяконства в категориях ветхозаветного служения первосвященника, священника и левита. Также на секции прозвучали выступления, посвященные церковной ситуации на Украине в 1939–1943 гг. (А.Г. Иценко, В.Г. Пидгайко), деятельности Тверского архиепископа Серафима (Александрова) по борьбе с голодом весной 1922 г. (И.В. Цыков), церковно-государственным отношениям в СССР в 1950–60-е гг. (Л.В. Табунщикова) и другие.

На секции «Религиозное сознание и служение» прозвучало три доклада представителей СФИ. С докладом «Отношение государственных и церковных деятелей к Крестовоздвиженскому православному трудовому братству Н.Н. Неплюева (1889–1929 гг.)» выступила исследователь Н.Д. Игнатович, магистр богословия, секретарь кафедры церковно-исторических дисциплин СФИ. Об ученике и последователе Н.Н. Неплюева епископе-катехизаторе Макарии (Опоцком) (1872–1941) рассказала ассистент кафедры, магистр богословия А.Г. Дмитренко. На этой же секции прозвучал доклад выпускницы СФИ О.Б. Филипповой, посвященный дискуссии в ходе подготовки и проведения Поместного собора 1917–1918 гг. по проблеме реформы прихода. О.Б. Филиппова особо отметила путь преодоления кризиса прихода, воплотившийся в опыте пастырей-праведников конца XIX — начала XX вв.: прото-

иереев Иоанна Кронштадтского, Алексия и Сергия Мечевых, Василия Постникова, Николая Смирнова, Валентина Амфиатеатрова и других. В центре их деятельности стояло созидание самого церковного народа как «молитвенного собрания верных».

Соведущая секции «Церковь, историк, эпоха» М.В. Шилкина, канд. филос. наук, магистр богословия, декан факультета религиозоведения СФИ, представила доклад «Принцип свободы совести в русской религиозно-философской традиции».

Также на секции прозвучали интересные доклады доц. МГУ, одного из организаторов конференции Г.М. Запальского (МГУ) «Преподавание истории Церкви в российской университетской традиции», преподавателя СФИ и сотрудника филиала РГГУ в Твери Л.В. Крошкиной «Возрождение агиографической традиции в житиях преподобномученицы Марии Парижской (Скобцовой)», И.А. Никулина «Послания на арменов и полуарменов» преосвященного Игнатия (Римского-Корсакова) в трудах церковных писателей XVIII–XIX вв.: к постановке проблемы», Н.А. Беляковой «Специфика источников государственного происхождения о религиозной жизни в послевоенном СССР» и другие.

В конференции активно участвовали молодые специалисты. Проведение подобных форумов видится принципиально важным для широкого профессионального диалога по актуальным проблемам истории церкви, созидания научного сообщества и возрождения церковно-исторической школы России.

Информационная служба СФИ

«Хотелось бы всех
поименно назвать...»

30 октября, в День памяти жертв политических репрессий, во многих городах вспоминали невинно погибших и замученных в советское время

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

По инициативе Свято-Петровского малого православного братства в Левашовской пустоши под Петербургом, где захоронены десятки тысяч жертв режима, впервые зачитывались имена невинно убитых.

Имена погибших были взяты из первого тома «Ленинградского мартиролага». Этот многотомный труд издается силами практически одного человека, старшего научного сотрудника Российской национальной библиотеки Анатолия Разумова. Анатолий Яковлевич в течение нескольких десятилетий ведет эту работу, не считая потраченных на это времени и сил, не замечая выходных и праздничных дней. Его задача — назвать всех, кого удастся найти. Чтобы их помнили. Во многом благодаря Анатолию Яковлевичу в свое время было открыто как мемориальный комплекс и Левашовское кладбище, до 1989 года числившееся за КГБ. И вот уже больше двадцати лет сюда приезжают люди из Петербурга и из всей России, из Италии и Финляндии, Польши и Германии... Многие ставят здесь кресты в память о своих погибших родных, вешают на стволах деревьев фотографии часто совсем молодых людей, ставят надгробные камни. В делах репрессированных не указывалось место их захоронения. Поэтому никто из родных никогда не знает, где же место упокоения их отцов и дедов. Предполагалось, что память о них должна быть уничтожена навечно. Но, слава Богу, этого не случилось.

После панихиды люди расходятся по дорожкам, устроенным благодаря вкладу Лидии Корнеевны Чуковской, — это был ее гонимый за повесть «Софья Петровна». Вспоминают своих родных, знакомых и незнакомых, а над кладбищем звучат имена. Первыми были помянуты священнослужители — епископы, священники, дьяконы. В том числе прозвучало имя епископа Череповецкого Макария (Опоцкого). Многие, прочитав имена из списка, поминают своих родных. При подготовке поминальных листов члены Свято-Петровского братства включали в список не только имя, отчество и фамилию, но и профессию, место работы, возраст. Поражает, что большинство расстрелянных в 1937 году (а первый том «Ленинградского мартиролага» говорит о погибших именно этого года) — колхозники, крестьяне, рабочие, встречаются и пенсионеры, совсем немного интеллигенции и ни одного представителя партийной элиты. За несколько часов выстроившиеся в очередь добровольцы успели прочитать лишь малую часть подготовленных листов, всего две буквы — «А» и «Б». Завершая поминальную встречу, Анатолий Яковлевич Разумов предложил, чтобы приезжая сюда в течение года, люди поминали оставшихся — кто сколько сможет вместить.

ТВЕРЬ

В предпоследний октябрьский день миряне из двух тверских малых православных братств, Боголюбского и Спасского, собрались на месте исторического центра города, бывшей Соборной площади (ныне Площадь Революции), чтобы поименно вспомнить тех наших сограждан, репрессированных в годы Большого террора, чьи имена хранит Книга Памяти по Тверской земле.

Городские и церковные власти с пониманием откликнулись на общественную инициативу православных братств, главной целью которой стало возвращение имени каждого человека, которого безбожная власть старалась растоптать, превратить в прах.

Настоятель храма блаженной Ксении Петербургской священник Сергей Дмитриев отслужил панихиду по всем невинно убиенным жертвам, в которой участвовали не только члены братств, но и родственники репрессированных из тверского клуба «Достоинство». Затем о. Сергей пригласил всех собравшихся принять участие в молитвенном чтении имен.

Первые имена начали звучать в час дня, а завершилось все уже к семи часам вечера. Имена произносились громко с указанием года рождения, профессии и даты смерти. Были прочитаны все пять тысяч двести имен тверской Книги Памяти.

Бытует мнение, что «темные страницы» нашей недавней истории болезненно воспринимаются нашим народом, что люди стараются отгородиться от этой темы. Тем удивительнее и радостнее было видеть отклик прохожих, которые добродетельно и открыто реагировали на всё происходящее: ставили подписи под обращением в поддержку строительства мемориального комплекса, жертвовали на проект мемориала. Подходили люди, которые рассказывали об истории своих семей в те годы, некоторые участвовали в чтении, кто-то стоял рядом и тихо молился. Автомобилисты притормаживали, чтобы узнать, что происходит.

Поминовения прерывались, лишь когда начинались литии. Первую отслужил священник храма Покрова Пресвятой Богородицы г. Твери, историк по образованию о. Роман Манилов, вторую — о. Сергей Дмитриев. Отец Роман после литии принял участие в прочтении имен.

Вечером, когда стало темнеть, были зажжены поминальные свечи. Всё завершилось общей молитвой. Большинство участников выразили надежду, что с этого дня дата 30 октября станет началом общецерковной традиции поминовения всех невинно убиенных в нашей стране.

Информационная служба Преображенского братства
Полностью эти и другие рассказы о том, как проходил День памяти жертв политических репрессий в разных городах России, можно прочитать на сайте <http://psmb.ru>

НИКОЛАЙ БЕРДЯЕВ И ПРАВОСЛАВНАЯ ТРАДИЦИЯ

Окончание. Начало на с. 1

Бердяев отказывается отделять «знание для жизни» от «целостного духовного опыта человека, его религиозной веры и мистических созерцаний». Он думает внутри таинства, он исходит из духовного опыта, чтобы все представить в новом свете, не исключая из этого опыта ежедневные политические и культурные поединки. Религиозный философ — меньше всего тот, кто формулирует православие, это скорее тот, кто, погруженный в первоосновы православия, формулирует новым образом жизнь в целом, являясь настолько же публицистом, насколько философом.

Однако думаю, что в православной традиции нет оснований акцентировать противоположность богословия и религиозной философии. В конце концов, святые отцы, из которых многие страстно интересовались языческой мыслью своего времени, говорили о «нашей философии» и «настоящем гнозисе». Центральным понятием современной русской религиозной мысли является *целостное знание*, со времен великих славянофилов уходящее своими корнями в тему, поднятую исихастами, — человека, восстановленного в своей целостности через единство ума и сердца. Это восстановление целостности, по мнению славянофилов, есть необходимое условие причастности таинству. Есть моменты, где традиция входит в состояние синтеза и ищет новых выражений. Эти выражения часто встают против предыдущих, затвердевших в уже состоявшемся богословии, но кто знает, не для того ли это происходит, чтобы послушно следуя велениям духа, заново увидеть нашего современника? Когда исследование отворачивается идти не по проторенной дорожке, именно потому, что оно хочет идти там, где еще не ступала нога человека, оно почти всегда уязвимо, неуравновешенно, иногда «еретично»; но не есть ли это единственная возможность открывать пути жизни Предания, которое впоследствии признает своих?

Эти замечания можно отнести к опыту Оригена, Григория Нисского, Дионисия Ареопагита и Симеона Нового Богослова. Нельзя ли их отнести, *mutatis mutandis*¹, и к мысли Бердяева? Такое мощное, такое вдохновенное произведение, как «Дух и Свобода»², не является ли в наш век одним из основных проявлений не только живущего, но и создающего православного богословия? Я отвечаю — да, и приношу следующее свидетельство. В то время была война наций и идеологий, для меня — ночь души. Мне было двадцать лет; эта книга, прочитанная случайно, мне показала вдруг, что можно быть христианином в двадцатом веке.

И сегодня, когда индифферентность молодых людей ставит под сомнение само существование богословия, я вновь обращаюсь к этой книге. Можно было бы стать позитивистами, но, слава Богу, Бердяев рядом, чтобы напомнить нам, что Церковь не есть только церковь учащая (ecclesia docens), но и церковь учащаяся (ecclesia quaerens).

б) В отличие от Булгакова, Бердяев, воспитанный матерью, наполюину католичкой, и отцом, выросшим на идеях Вольтера и Толстого, не знал в своем детстве вкуса православия. Его обращение, как и непрекращающийся, мучительный и одновременно вдохновенный процесс углубления веры, не были возвращением к детству: вот почему его мысль, «замкнутая» на «возвращении в рай» в эсхатологической перспективе, была совершенно «взрослой». В своем поиске Бердяев сначала пришел не к православию, а к христианству, правда, воспринятому в русской то-

нальности, а значит, бесповоротного православному. Освободившись благодаря Ницше от увлечения марксизмом, он распознает в обреченном на провал ницшеанском поиске сверхчеловека тоску по божественному. Вл. Соловьев и Несмелов, затем отцы церкви — Григорий Нисский (которого Бердяев цитирует в «Философии свободы»), Афанасий Александрийский, Ириней Лионский заново приводят его живым и обновленным образом к великому упованию православия: Бог сделался человеком, чтобы человек мог стать богом. Если смотреть сквозь призму Хомякова и особенно «Легенду о великом инквизиторе» — чтобы человек мог стать свободным. Но Бердяев мечтал сначала о мистической и вселенской Церкви, в которой все были бы священниками, где таинства были бы не чем иным, как углублением всей жизни: «Сама жизнь должна превратиться в евхаристию», — писал он в 1907 г. в статье «Новое религиозное сознание и общественность». Только в 1909 г. он входит в православную Церковь, покидая литературные, точнее, мистико-литературные игры столицы, чтобы открыть духовные корни национальной жизни. В 1910 г., во время духовного кризиса интеллигенции, он пишет: «С Церковью не торгуются, ей не ставят условий» — как минимум в том, что касается ее божественного измерения, ее силы воскресной, не только явной, но и скрытой, силы таинств и даров.

Он чаял активной, преображающей эсхатологии, способной придать смысл труду и творчеству человека, создать просвещенную и простую разумность, справедливость, которая могла бы решить проблему хлеба, но не притязала бы на решение вопроса смысла жизни.

В то время Бердяев принимает участие в возрождении православной мысли, отмеченном, среди прочих, такими именами как Сергей Булгаков и Павел Флоренский. Он публикует две важные работы — «Философия свободы» в 1911 г. и эссе о Хомякове в 1912 г. — уравновешивающие будущее развитие бердяевской мысли через метафизику таинств, которые христианизуют в православной перспективе Богоявления космический смысл «нового религиозного сознания», где и нащупываются пути русского религиозного Возрождения.

В любом случае, бескомпромиссная свобода Бердяева, его почти болезненный неконформизм, его потребность в Церкви, способной открыться всякой творческой активности человека и преобразить ее, вскоре заставят его отойти от церковной институции как от слишком формализованной реальности. Он отвергнет эстетическую «стилизацию» под традиционное Православие, намекающую во фракции христианской интеллигенции, в потворстве чему он упрекает Флоренского. Духовный поиск некоторых сект зачерчивает его своей свободой, глубиной и народной спонтанностью. В то время как Синод благословляет вмешательство русского военного флота для подавления на Афоне так называемой ереси «имяславцев», Бердяев страстно отстаивает Павлово воззвание: «Духа не угашайте»; так родилось название его статьи — «Гасители Духа», против которых в дальнейшем он не перестанет бороться.

Еще более важной в тот же самый период была неудавшаяся попытка знакомства Бердяева с традицией старчества во время разочаровавшего его посещения Зосимова скита. Здесь разворачивается драма русской религиозной философии в ее отношении к православной традиции. Религиозная философия, которая стремится осветить Фаворским светом всю современную культуру, развивается в тот момент, когда традиция фи-

локалий³ в России теряет свою силу и гаснет.

Из практики русского отшельничества и умного делания принципиально исключались самые сильные «гностические» тексты, самые богатые силой преображения — тексты Паламы, например. Таково, в целом, пиетистское добротолочие. Во многом перегибы и неуравновешенность бердяев-

Когда исследование отворачивается идти не по проторенной дорожке... оно почти всегда уязвимо... иногда «еретично»; но не есть ли это единственная возможность открывать пути жизни Предания, которое впоследствии признает своих?

кой мысли объясняются ослаблением традиции. Против пресной индивидуализированной односторонней монастырской духовности, против официального богословия, интерпретирующего благу весть Евангелия исключительно морализирующими понятиями, его книга «Смысл творчества», написанная 1913 г., с романтической силой юности отстаивает творческую духовность, способную в действительности преобразить всего человека и космос.

Война и революция освободят Бердяева от этого романтизма, углубляя его поиски в области христианской антропологии и космологии. Именно в жестоких, но и плодотворных 1917–1922 гг., в перевернутой революции России, где он решает остаться, Николай Бердяев определяет свое положение в Церкви: он — мирянин, свободно

сая евреев. В конце 30-х годов в русской диаспоре занимает ведущее место неопатристическое движение и увлечение церковной мистикой. Оба этих движения достаточно чужды Бердяеву. Он очень страдает от православного фундаментализма, который, в зависимости от среды, изобличает его то как «еретика», то как «красного». Однако до конца своих дней, даже когда он

отчаивался, даже когда его спрашивали, как мать Марию, не покинул ли Дух Божий Церковь, даже когда на Западе хотели сделать из него гуру, мага вне церковной ограды, он оставался верен своему призыванию пророка, укорененного в православной традиции. «Очень важно, — писал он в одном из последних трудов, — сохранить связь с Церковью, чтобы движение к новому излиянию Духа не деградировало в сектантство. Особенно важно поддерживать эту связь с православной церковью, имеющей огромные возможности».

Отпевал Бердяева о. Евграф Ковалевский. Бердяев завещал свой дом в Клараме Русской православной церкви с тем, чтобы в нем устроили часовню Святому Духу.

II.

В духовной сфере я хотел бы показать глубокую принадлежность Бердяева к православной традиции на примере трех принципиальных для него вопросов:

- общая тематика его трудов;
- глубоко православный смысл его наиболее рискованных исследований;
- способность к различению духовных типов.

На первой позиции я ограничусь несколькими примерами, где Бердяев находит и актуализирует с творческим постоянством наиболее важные и глубинные для православной традиции вопросы. В *социологической (курсив автора — прим. перев.)* сфере Бердяев смог выявить и развить значительное течение патристической традиции, которая неразрывно связывала требование духовной глубины и социальной справедливости. Известно, что святой Иоанн Златоуст на примере 25 глав Евангелия от Матфея показывал, что в милосердии к бедному совершается таинство Христа и подчеркивал необходимость такого милосердного участия. Примерно с XII века началось крупное расхождение между церковью, хранительницей индивидуальной духовности, которую в качестве таковой подстерегали морализаторство и навязчивые идеи о сексуальности, — и движениями евангелического пауперизма⁴, сознательными наследниками социального видения греческих Отцов, но их подстерегал милитаризм насилия⁵.

Бердяев пытался преодолеть этот раскол, показывая, что социальное обновление и духовное возрождение неразделимы; что цивилизация, основанная на хлебе, не сможет преодолеть мешанства — и что существование мешанства — это что существование мешанства социалистическое — если розданный поровну хлеб займет место хлеба евхаристического. В дореволюционной России Бердяев пытался найти в истории объяснение своеобразному эсхатологическому чувству православного народа, милитаризму, тысячелетнему насилию. В статьях, написанных во время войны, до революции, он изобличает «вечно бабье в русской душе», ее невозможность взрастить в своих же собственных глубинах мужественность не разрушающую и насильственную, но брачную и созидательную. Это была у него, как у христианина, первая историческая битва, ее можно сопоставить с той,

которую вел Ганди, чтобы ввести в конфликты истории принцип *ахимсы*, «ненасилия», совершенно индивидуальный и внутренне присутствующий Индии. Для Бердяева речь шла о том, чтобы придать православному эсхатологическому смыслу, отнюдь не отрывая его от его метаисторической направленности, измерение политического, социального и культурного творчества, способность оплодотворять историю, препятствуя ей поклоняться самой себе.

В итоге, Бердяев отрицал эсхатологию насилия, присущую истории, бесчеловечную эсхатологию материалистических революций. Он также отрицал исключительно внутреннюю и недостижимую эсхатологию монашества, заставшую в разрыве с миром и отказе от него. Он чаял активной, преображающей эсхатологии, способной придать смысл труду и творчеству человека, создать просвещенную и простую разумность, справедливость, которая могла бы решить проблему хлеба, но не притязала бы на решение вопроса смысла жизни. Он чаял искусства, способного просветить и освятить каждодневную жизнь, стремящегося к полноте Восьмого Дня.

Бердяев вновь начинает в другой форме свое проигранное сражение уже в революционной России, принимая социализм как возможность рационализировать экономическую и социальную жизнь, но отвергая как псевдо-религию. Он ищет возможности отстоять «свободную духовную культуру», единственно способную распознать и преодолеть трагизм человеческого состояния, который не излечивается решением материальных проблем, но разоблачается в своей беспощадной нагоде.

Бердяев переносит свой опыт революции на Запад, где он не прекращает углублять свое синтетическое видение социального и духовного. По отношению к коммунизму он показывает настоящее умение распознавать духов в истории (я имею в виду его известную статью «Правда и ложь коммунизма», появившуюся в первом номере журнала *Esprit* еще до «Исток и смысла русского коммунизма»); покровительствуя своим творчеством, своими дружескими отношениями (в частности, с Мариеном), своей вовлеченностью (в движение французского персонализма, одним из вдохновителей которого он был) той социальной открытости западных христиан, которая сегодня позволяет Церквям почти повсеместно, и особенно в странах третьего мира, расторгать как бы некий негласный договор «установленного беспорядка». Во всяком случае, Бердяев никогда не отделял социальную открытость от мистических глубин: он хотел выпрямить и восстановить в христианстве Богоявления лишенную человеческих черт эсхатологию социализма, а не наоборот; к тому же он думал, что при техническом прогрессе и при успехе социальной организации духовные проблемы будут стоять все в более острой форме. И он нетерпеливо ждал именно этой возможности, остальное было для него не более чем необходимая, но временная проза. В итоге ему удалось превзойти, ревностно сохраняя независимость духа, и консерватизм, угрожающий шизофренией (но в котором он чувствовал Бога), и веру в прогресс с забвением глубины жизни (но в котором он чувствовал человека). Какой урок для нас сегодня!

Перевод с французского Александры Ошариной при участии Натальи Ликвинцевой

¹ С учетом соответствующих различий.

² В оригинале — «Философия свободной души».

³ Добротолочие.

⁴ Евангельской нищеты — прим. переводчика.

⁵ Т.е. учение о тысячелетнем царстве Христа, предполагающее насилие над «злыми» ради победы Бога — прим. переводчика.

ОБНОВЛЕНИЕ ЦЕРКВИ В БОРЬБЕ ПРОТИВ ОБНОВЛЕНЧЕСТВА

Служение еп. Макария (Опоцкого) в Новгородской епархии во время обновленческого раскола 20-х гг. XX в.

Окончание. Начало на с. 1

В апреле 1924 г. вл. Макарий прибыл в г. Череповец и поселился в с. Богородское, расположенном недалеко от города. Для этого было несколько причин. Во-первых, Богородский приход не был захвачен обновленцами и оставался верным патриаршей церкви. Во-вторых, к этому приходу относилось 10 близлежащих деревень и в округе он был своеобразным центром. Само село находилось в четырёх верстах от Череповца, что позволяло поддерживать хорошую связь с городом¹.

Епископу Макарию предстояло нести свое служение в сложных условиях — с одной стороны, в епархии набирал силу обновленческий раскол, с другой — на церковь продолжалось яростное наступление советской власти. Владыка Макарий сразу столкнулся с противодействием со стороны властей и обновленцев. Зарегистрироваться с первой попытки вл. Макарию не удалось. Власти, мотивируя свой отказ тем, что в губернии уже есть зарегистрированный епископ, отправили вл. Макария к еп. Иоанну Звездкину², чтобы последний разрешил служить вл. Макарию в епархии. Власти уверяли еп. Макария, что если разрешение обновленцев будет получено, то и они не будут иметь ничего против пребывания вл. Макария в пределах Череповецкой губернии. Владыке Макарию не составило труда отправиться к еп. Иоанну, благо он был знаком с ним еще по учебе в МДА, где они были сокурсниками.

Сохранилось свидетельство очевидца первой встречи вл. Макария с главой обновленцев Череповца. Эта встреча состоялась на квартире еп. Иоанна в Великий понедельник. На вопрос, каким образом еп. Макарий прибыл в Череповец, вл. Макарий ответил, что у него имелась информация, что епископская кафедра в Череповце свободна. Чтобы как-то закрепить себя в Череповце, вл. Макарий попросил еп. Иоанна «разрешить послужить ему хотя бы первые два дня Пасхи, только для удовлетворения своих религиозных потребностей и уверял владыку, что на Пасхальной неделе он непременно оставит пределы Череповецкой губернии». Еп. Иоанн служение ему разрешил, но оговорился, что «при первой же попытке епископа Макария упрочить свое положение здесь игрою на несознательности масс, не знающих фактического положения дел, он примет к нему, епископу Макарию, все меры по нуждению». Конечно, о том, чтобы покинуть пределы епархии, не могло быть и речи. Владыка Макарий остался в Череповце и стал постепенно собирать своих сторонников, оставшихся верных патр. Тихону.

Уже в мае 1924 г. еп. Крестецкий Серафим (Великий) в докладе патр. Тихону о положении дел в Новгородской епархии особенно отметил плоды служения еп. Макария в Череповце. Он писал, что вл. Макарий, назначенный «в самое крепкое гнездо» обновленчества в епархии, в котором есть и «обновленческий епископ Иван Звездкин (личность, обладающая чрезвычайным нахальством, энергией и неразборчивостью в средствах)», нашел по своему прибытию туда лишь один православный храм. Далее вл. Серафим писал, что «заручившись согласием местных властей на свободу своего церковного делания и даже каким-то непонятным способом обошедший самого Ивана Звездкина, Пресвященный Макарий произвел громадный сдвиг в настроении Череповецкого духовенства и народа и хотя вызвал против себя громы и молнии обновленческого Череповецкого Церковного Управления, но последние, видимо, запоздали».

О переменах в устроении местных верующих свидетельствует и письмо приходского совета Рождественской религиозной общины г. Череповца от 6 июля 1924 г. В этом письме приходской совет уведомляет Административный Отдел ГИК о том, что «ввиду выяснившегося общего настроения прихода, община выходит из подчинения Обновленческого Епархиального Управления и Епископа Иоанна Звездкина, а переходит в подчинение и управление Епископа Древне-Православной церкви Макария, как соответствующего религиозным запросам членов всего прихода».

Сретенская Леушинская подворская церковь (1894 г.), разрушена в 60-х годах XX века. В годы расколов и гонений Сретенская церковь фактически выполняла функции кафедрального собора епископов Череповецких, викариев Новгородской епархии Патриаршей Церкви. В 1920-е годы в церкви совершали богослужения: архиепископ Хутынский Алексий (Симанский), епископы Череповецкие: Макарий (Опоцкий), Тихон (Тихомиров), Валериан (Рудич). Старостой церкви с 1920 г. являлась бывшая послушница Леушинского монастыря Агриппина Яковлевна Кочегарова — член братства еп. Макария (Опоцкого) в с. Богородское Череповецкого уезда.

Епископ Макарий действовал решительно и смело. Несмотря на то, что публичное поминовение патр. Тихона было запрещено, он разослал в июне 1924 г. по религиозным общинам Череповецкой губернии письмо с разъяснением еп. Крестецкого Серафима о том, что поминовение патр. Тихона не воспрещается, поскольку «таковое поминовение является исполнением требований религиозного культа, а не публичным чествованием». Епископ Иоанн Звездкин немедленно сообщил об этом в Административный Отдел ГИК, что сразу повлекло за собой оргвыводы. В различные властные структуры были незамедлительно направлены запросы, распоряжения и предупреждения. Так, Череповецкий ГИК известил начальников отделений милиции, что поминовение патр. Тихона «в корне подрывает авторитет местной гражданской власти» и поэтому необходимо срочно принять меры к установлению соответствующего контроля в церквях. В уведомлении указывалось, что такой контроль «может быть легко осуществим через посредство секретных осведомителей, а также путем личного посещения церковей работниками милиции». Причем последним рекомендовалось «одеваться в штатскую одежду и во время исполнения религиозных обрядов себя не проявлять». В случае, если будет установлено нарушение, милиционерам предлагалось составлять протокол. Распоряжение гражданских властей стало незамедлительно выполняться. Наряду с милицией начали работу и осведомители. Так, в августе 1924 г. в Череповецкое епархиальное Управление поступил донос о том, что во время богослужения в одной из единоверческих церквей «епископом Макарием было произнесено публичное поминовение бывшего патриарха Тихона».

В мае 1925 г. в Череповце был поставлен новый обновленческий епископ — Сергей Озерцовский³, который продолжил курс обновленцев на удаление вл. Макария из Череповца. Так, в марте 1926 г.

Сергий Озерцовский выступил на очередном губернском епархиальном съезде обновленцев со специальным докладом, раскрывающим «неправославный неплюевский характер деятельности Епископа Макария и неправославно-христианский строй самого так называемого Воздвиженского Трудового Братства». Епископ Сергей «развенчал» трудовое братство Н.Н. Неплюева, используя отзывы недоброжелателей братства и затем подверг критике вл. Макария, отметив, что «организация им своих особых общин есть разрыв с единой Вселенской Православной Церковью, именуемый сектантством». Съезд квалифицировал деятельность еп. Макария как «преступную», вносящую анархию в церковную жизнь епархии и уводящую «простодушных людей не в православие, а в свою новую неплюевскую-макарьевскую общину». Для «вразумления» вл. Макария съезд признал целесообразным послать ему зачитанный доклад, а также размножить этот доклад «для населения через издание особой брошюры или поместить в одном из обновленческих журналов и послать копию в Священный Синод». В итоге епархиальный съезд выразил благодарность еп. Сергию «за обширный труд, в коем он обстоятельно, обоснованно разъяснил съезду ложный путь, на который Епископ Макарий толкает доверчивых своих пасомых, предлагая им вместо пути Христова, путь некоего Неплюева». Далее съезд перешел от теории к практике и обсудил доклад прот. Иоанна Мальцева — «Что делать против Макариевщины как новой секты в Череповецкой епархии? Тактика пастыря. Предмет его проповеди». Удивительно, как спустя почти 20 лет после кончины Н.Н. Неплюева его наследие вызывает у обновленцев такую же негативную реакцию, какую вызывало до революции у консервативной части Синодальной церкви.

Наступление на еп. Макария шло и со стороны властей. В феврале 1926 г. Череповецкое ГПУ на основании доноса⁴ начало предварительное следствие относи-

тельно вл. Макария и его ближайших помощников — членов трудового православного братства. Всем им было предъявлено обвинение в хранении и распространении агитационной литературы контрреволюционного характера, а также в преподавании малолетним и несовершеннолетним религиозных вероучений. Владыка Макарий был приговорен к трехлетнему заключению в концлагерь⁵.

В июне 1926 г. еп. Макарий был этапирован на Соловки. Однако его имя по-прежнему продолжало беспокоить и власти, и обновленцев. В декабре 1926 г. благочинный 8 округа Череповецкого уезда докладывал в епархию о неблагоприятном влиянии на обновленческие приходы «со стороны соседних староцерковнических священников, в особенности со стороны епископа Макария», который хоть и выслан из епархии гражданскими властями, однако «в сознании весьма многих, особенно и главным образом богатеев, мыслится как мученик», и что многие виновником этого мученичества считают обновленцев. Отметим, что обновленцы не смогли захватить Богородский приход даже спустя три года после того, как вл. Макарий покинул пределы Череповецкой губернии. В марте 1929 г. уполномоченный Священного Синода прот. Василий Рябишин очень скептически оценивал возможность продвижения обновленчества в с. Богородское. В своей аналитической записке он отмечал, что «Богородский приход был гнездом тихоновщины, там жил епископ Макарий (Опоцкий), вход обновленцев был заказан» и что, несмотря на разделения внутри патриаршей церкви, «связи и опоры для обновленчества в приходе нет и продвигаться в приход в настоящее время внешним путем нецелесообразно, и обосновать общину в краткий срок не представляется возможности».

Итак, оценивая деятельность еп. Макария как викария патриаршей Церкви, отметим ее значительные плоды: череповецкие приходы стали достигаемыми для управления православной иерархией, а ранее перешедшие в обновленчество приходы не начали возвращаться в лоно патриаршей Церкви. Действия вл. Макария не только как церковного администратора, но и как мудрого и деятельного пастыря смогли заложить прочные основы приходской жизни. Главным оружием еп. Макария в противостоянии обновленчеству стало собиране живых сил Церкви. Обращает на себя внимание то, что гонения со стороны обновленцев, обвиняющих вл. Макария как продолжателя дела Н.Н. Неплюева в «неправославии» и «сектантстве», отчетливо показывают, что для обновленческого движения подлинный дух церковного обновления был чужд. Эта борьба с вл. Макарием и его делом свидетельствует о том, что обновленческое движение ставило перед собой совершенно иные задачи, нежели обновление церковной жизни.

**Анна Дмитренко,
магистр богословия**

В статье использованы материалы Российской государственного исторического архива, Государственных архивов Новгородской и Вологодской областей, Череповецкого центра хранения документации и Отдела письменных источников Череповецкого музейного объединения, а также «Ведомости Успенской Богородской церкви» за 1917 г.

¹ В настоящее время с. Богородское и два его храма — Успенский (постройки 1893 г.) и Христорождественский (постройки 1772 г.) — не существуют. В советское время на этом месте отстраивался Индустриальный район Череповца и сегодня — это территория объединения ОАО «Северсталь». См.: Церковно-исторический атлас Вологодской области. В 2 т. Вологда, 2007. Т. 1. С. 106.

² Иоанн Звездкин — обновленческий епископ, основатель группы «Живая Церковь» в Череповце. До поставления в епископы был протоиереем, настоятелем Воскресенского собора г. Череповца.

³ Епископ Сергей Озерцовский — до перехода в обновленчество, овдовев, был пострижен в монашество. В 1922–23 гг. уклонился в обновленческий раскол и 7 июня 1924 г. был хиротонисан во епископа Коломенского, викария Московской епархии.

⁴ 25.02.1926 г. в Череповецкий Губотдел ОГПУ поступило заявление от И.М. Царьковой, в котором сообщалось, что епископ Макарий и А.А. Артамонов организовали в с. Богородском группу несовершеннолетних девочек и мальчиков, которым преподают вероучение, принимающее характер планомерного преподавания. См.: Архив УФСБ по Вологодской области. Д. П-3711. Л. 1.

⁵ Архив УФСБ по Вологодской области. Д. П-3711Л. 150.

— Вы преподаете в Свято-Филаретовском институте миссиологию. А много ли вузов, где преподают этот предмет? Как эти курсы обычно строятся?

— Сейчас миссиологию преподают в большинстве духовных семинарий и академий. Курс этот обычно основан на учебном пособии, которое издано Синодальным Миссионерским отделом Русской православной церкви под редакцией его председателя, архиепископа Белгородского и Старооскольского Иоанна (Попова). В прошлом году вышла его вторая редакция. В этом учебном пособии собран достаточно разноплановый материал, который позволяет преподавателям миссиологии выбрать тот или иной ракурс подачи предмета. Некоторые идут самым простым путем — берут весь учебник и последовательно его разбирают на занятиях. До того, как сравнительно недавно появилось это пособие, с преподаванием миссиологии были большие трудности. Во многих семинариях и академиях вообще не было этого предмета, а тем более не было катехетики.

Стоит отметить, что если миссиологию сейчас почти повсеместно ввели, то с катехетикой, к сожалению, остаются большие проблемы. Нет ни общецерковных учебников, ни методологии преподавания. Единственное, что я могу вспомнить из учебных пособий — это «Таинственное введение в православную катехетику», магистерскую работу о. Георгия Кочеткова, или исторические исследования, например, «Историю катехизации в Древней Церкви» диакона Павла Гаврилюка. Впрочем, в наших духовных школах никогда и не было катехетики как предмета. Вот это действительно интересный факт, то есть катехизацию, в отличие от миссии, никто никогда не воспринимал всерьез и всерьез ею не занимался.

Так что если говорить о специфике нашего института — только у нас курсы миссиологии, катехетики и гомилетики объединены в единый цикл, более того, кафедра, ведущая эти предметы, является профилирующей. Раньше это был один учебный курс и преподавал его наш ректор, о. Георгий Кочетков. Сейчас это три предмета, которые ведут разные преподаватели. Но это по-прежнему единый цикл, и то, что он существует и в его состав включена катехетика, является особенностью нашего института. Мы практически единственный вуз на территории России, где преподается этот предмет. При этом разделение цикла на три предмета достаточно условно. Мы, преподаватели, стараемся хранить внутреннее единство наших курсов, их связь и преемственность, и в каком-то смысле это по-прежнему один предмет, который можно описать одной емкой фразой: «изучение вхождения человека в Церковь». Изучается воцерковление как таковое с самого начала до самого конца, потому что все оно, действительно, основано на проповеди, на слове Божьем. Миссия — проповедь внешним, катехетика — проповедь людям, входящим в Церковь, гомилетика — проповедь людям, которые уже в Церкви, помогающая их духовному росту.

К сожалению, в других духовных вузах нет такого целостного подхода к изучению процесса воцерковления. Отдельно преподается миссиология, отдельно — гомилетика (чаще всего в разделе «пастырское богословие»), а катехетика вообще как предмет не существует. Один раз, беседуя

ЗАЧЕМ В ЦЕРКВИ НУЖНЫ МИССИОНЕРЫ

Интервью с Натальей Адаменко, преподавателем миссиологии (СФИ)

Групповая фотография участников Всеепонского Православного Собора 1882 г. В центре сидит св. равноап. Николай Японский

с выпускниками семинарий, я спросила их: «А как вы будете применять знания по миссиологии?» Они отвечали: «Главная наша цель — чтобы человек пришел в храм».

— Ну, вот он приходит в храм, и что?

— А там слышит проповедь...

То есть период научения вере, катехизации — он выпал. В этом, собственно, основная трудность воцерковления людей сегодня.

Еще, может быть, стоит добавить, что курс, который преподается сейчас в нашем институте, прежде всего рассчитан на мирян.

— Но, тем не менее, священники иногда учатся в СФИ?

— Да. И священники учатся, и говорят, что наш курс очень полезен, потому что он помогает по-новому взглянуть на миссиологию в целом как на дисциплину и на то, что может входить в этот предмет. Ведь в другие курсы миссиологии все-таки входят некоторые элементы катехетики, например методика проведения бесед перед таинством крещения или после него. (Видимо, таким образом пытаются восполнить отсутствие курса катехетики.) Либо, например, изучаются сугубо специфические темы, адресованные будущим священникам, например, «проповедь в тюрьмах», где изучается, как устраивать в тюрьмах богослужение и т.п. Или, например, «проповедь школьникам и студентам», т.е. изучение

того, как вести беседы в школах, как работать с молодежью.

У нас в курсе этого почти нет, для нас главное — чтобы специалист, который оканчивает наш институт, имел представление об основах миссиологии как науки и знал основные принципы православной миссии, основные её правила и понимал, какие ошибки в миссии категорически нельзя допускать. Мы обсуждаем основные этапы миссии, изучаем, как развивалась миссия в нашей церкви. Ну, и, пожалуй, самый интересный вопрос — что такое миссия, каковы ее цели. Это и самый главный вопрос. Потому что если, скажем, цель для узко понимаемой миссии — привлечь людей в храм, чтобы они просто туда пришли, то цель миссии в широком смысле, конечно, другая. И это нужно знать и уметь различать. Нужно научиться также понимать разницу между миссией обычным людям и людям с особенностями, в том числе тяжелобольным, умирающим, тем, у кого уже есть какая-то вера, то есть иноверным.

— Можете ли Вы привести какие-нибудь наиболее разительные примеры того, что для студентов оказывается неожиданностью при описании того, что не надо делать?

— Есть три самые большие «системные» ошибки, от которых не застрахован любой миссионер: это контрмиссия (когда критикуется и ругается чужая вера, а своя только хвалится), прозелитизм (когда идет

переманивание людей из других конфессий) и лжемиссия. Так вот, самое большое количество вопросов и недоумений бывает связано с лжемиссией. Что же это такое, как ложь может примешаться к миссии?

Ответ очень прост: ложь — это искаженная, «перекрученная» правда — правда, к которой добавлено немножко чего-то ненужного и недолжного. Например, когда к мотивации миссионера примешивается что-то чуждое духу Евангелия, он начинает думать не о помощи вот этому конкретному человеку в том, чтобы его жизнь изменилась, чтобы он встретил Бога, чтобы он вошел в Церковь, а о еще каких-то других целях, пусть даже благих. Например, миссионер думает о том, чтобы вырос приход, чтобы этот человек мог потом помочь церкви (материально или еще как-то, не суть важно). Или, например, в семье часто так бывает, когда хотят привести к вере мужа, жену, детей, чтобы самим верующим стало легче жить. И такая неверная внутренняя направленность у самого миссионера, его неверная мотивация, корысть, которые примешиваются к истине, очень мешают миссии. И когда об этом говоришь, это вызывает удивление: ведь цели-то, казалось бы, благие, как же они могут мешать? Но они мешают. Потому что в основе подлинной евангельской миссии всегда лежит дух бескорыстной любви и только он.

— А что бывает самым неожиданным из того, что нужно для плодотворной церковной миссии?

— Пожалуй, с самым большим недоумением и удивлением встречается обсуждение вопроса о цели миссии. С какой целью мы выходим на проповедь? Зачем в Церкви нужны миссионеры, зачем вообще нужно свидетельство, чего мы хотим добиться? Как правило, здесь называют обычные причины: «чтобы храмы наполнились, чтобы происходил рост церкви и она прирастала новыми приходами, епархиями». Т.е. демонстрируют прежде всего внешний, количественный подход. Тогда можно спросить, а в чем смысл этого роста? Цель этого роста — в чем? Ну вот, открыты еще приходы и епархии, и что? Что в результате-то должно получиться? И ответ на эти вопросы всегда удивляет. Дело в том, что цель миссии — это не только и не столько рост числа храмов и не количество крещений, а прославление Имени Божьего. Чтобы слава Божья росла, чтобы она распространялась, чтобы Имя Божие прославлялось через людей, чтобы они начинали Бога прославлять своей жизнью, чтобы их жизнь менялась. Это миссия Церкви в широком смысле слова, ради этого Церковь и существует. К сожалению, об этом мало кто помнит — о том, что для достижения цели миссии нужно, чтобы сам человек изменился, покаялся и воцерковил свою жизнь, чтобы он стал жить по-другому, жить по-христиански. Не просто понял и осознал, что Бог есть и что теперь ему нужно иногда ходить в храм, но чтобы он сам изменился и его жизнь изменилась так, чтобы через него стало видно славу Божью, чтобы другие люди видели его дела и прославляли нашего Небесного Отца. Возрождение и преобразование конкретного человека — вот это цель миссии.

Беседовала Александра Колымагина

ПРОГРАММА ГОДИЧНОГО АКТА СВЯТО-ФИЛАРЕТОВСКОГО ИНСТИТУТА

1 декабря, четверг, 18:00

Великая вечерня в часовне СФИ

2 декабря, пятница, 8:00

Праздничная утренняя в часовне СФИ

2 декабря, пятница, 19:00

Актный день. В его программе:

1. Вступительное слово ректора проф.-свящ. Георгия Кочеткова, приветствия членов Попечительского совета и гостей.
2. Отчетный доклад проректора Д.С. Гаска о работе СФИ в 2010/2011 уч. году.
3. Актная речь доцента кафедры религиоведения СФИ, ведущего научного сотрудника Института восточных культур и античности РГГУ, канд. истор. наук А.В. Журавского «Образ пророка Моисея в трёх теистических традициях».

Богослужения состоятся в часовне СФИ по адресу: ул. Покровка, 29, ст. м. «Китай-город», «Чистые пруды», «Курская».

Актный день будет проведен в актовом зале Российской академии образования по адресу: ул. Погодинская, д. 8, ст. м. «Фрунзенская», «Спортивная».

СПРАВКА

Объединенная кафедра миссиологии, катехетики, гомилетики — богословских дисциплин и литургики является в СФИ ведущей и выпускающей по направлению «Теология».

Кафедра осуществляет научную деятельность по нескольким направлениям: миссиология и катехетика, богословие и литургика. Основным направлением научно-исследовательской деятельности кафедры является изучение и развитие исторического опыта миссии, катехизации (оглашения) и проповеди в христианской церкви с целью его реализации в ныне существующей православной практике оглашения. Особенностью трудов кафедры в данном направлении является то, что они опираются на многолетний практический опыт миссии и оглашения взрослых, начатый в 1970-е гг. проф.-свящ. Георгием Кочетковым, а позже поддержанный и другими членами кафедры. Этот опыт, продолжающийся около сорока лет, не имеет аналогов в новейшей истории православной церкви как по глубине изучения про-

блем катехизации, разработанности и простотности, так и по охвату (более пятнадцать тысяч человек, прошедших оглашение).

На базе кафедры постоянно действует семинар по актуальным проблемам современного богословия и литургики, кружок катехизаторов и кружок по миссии. Поскольку работа кафедры тесно связана с практикой катехизации, в состав ее входят как преподаватели, так и ведущие катехизаторы.

На базе кафедры СФИ проводит научно-практические тематические конференции, посвященные проблемам миссии и катехизации в современной церкви. Члены кафедры принимают участие в различных церковных и светских научных мероприятиях, выступают с докладами и сообщениями, готовят публикации, принимают участие в телевизионных и радиопередачах, интернет-конференциях.

Членами кафедры были подготовлены и изданы многочисленные статьи и ряд монографий по теории, истории и практике миссии и катехизации. Важнейшими

из них являются два катехизиса для просвещаемых и катехизаторов, цикл бесед по христианской этике, таинстводственные беседы проф.-свящ. Георгия Кочеткова и др. материалы для катехизаторов и миссионеров, а также монография диакона Павла Гаврилюка об истории катехизации в древней церкви под редакцией заведующего кафедрой МКГ.

Кафедра проводит ежегодные международные научно-богословские конференции, круглые столы и семинары, совместно с зарубежными учеными работает над изданиями современных богословских трудов. Члены кафедры принимают активное участие в научных конференциях и других научных мероприятиях за рубежом.

Кафедра сотрудничает с различными зарубежными учебными заведениями в Голландии (Университет Nijmegen Radboud), в Париже (Свято-Сергиевский православный богословский институт), в Нью-Йорке (Свято-Владимирская семинария), в Праге (теологический факультет Карлова университета).

Известный миссионер и катехизатор священник Георгий Кочетков столкнулся с противостоянием своей просветительской деятельности еще в позднесоветские годы. Тогда по требованию известных органов он был выгнан за миссионерскую деятельность с последнего курса Ленинградской духовной академии с «волчьим билетом», то есть без какой бы то ни было возмож-

ности служить. Увы, этим эпизодом дело не закончилось. Было еще многое, уже в 1990-е годы, всего и не перечислишь.

Попытки вновь вернуться к многочисленным страницам истории гонений на о. Георгия и Преображенское братство продолжаются до сих пор. Иногда с тем, чтобы защитить поруганную правду от бесконечной лжи, наводнившей не только книж-

ные прилавки, но и Интернет. Иногда для того, чтобы с сожалением и покаянием разобраться, как такое могло совершаться не только в богоборческом государстве, но порой и в церковной ораде. Иногда же — с желанием реанимировать и снова распространить выдохшиеся за многие годы «страшилки».

Об этом — материалы страницы.

Ветер перемен, или Издательский Совет РПЦ рекомендует

В то время, когда политическое небо над страной под стать осенней погоде стремится стать монохромно серым, церковный ландшафт наконец запестрел многоцветьем. Чего — и это к счастью — в нынешней жизни русского (и не только) православия за последние два года не стало, так это унылой неподвижности и угнетающей бесперспективности. Чада церкви, а также сочувствующие и сопутствующие, исполнены ожиданий: на повестке дня серьезные и действительно актуальные темы, обсуждаемые в открытых и порой даже жарких дискуссиях. Дух конструктивности и диалога выносит на периферию некогда, увы, популярные псевдоправославные крикливые лозунги и нападки, объединенные девизом «Православие или смерть», лет пятнадцать назад изрядно потрясавшие церковную и не только церковную общественность невежеством и оголтелостью.

Отрадно наблюдать, как в церкви возрастает энергия созидания и сотрудничества, как возвращаются на свое исторически законное место, пусть пока еще в рамках общецерковного обсуждения, освященные древней канонической практикой нормы церковной жизни, возвращающие всех нас к существу призвания Церкви на земле. Сегодня уже в рабочем режиме обсуждаются проблемы повсеместного внедрения катехизации, возрождения миссии на регулярной основе, даже тему языка богослужения удалось ввести в рамки церковной дискуссии.

Все это жизненно необходимо для решения грандиозной задачи нового духовного просвещения, новой евангелизации России, дабы горестная фраза Н.С. Лескова «Русь была крещена, но не просвещена» потихонечку теряла свою злобную актуальность. При решении очевидной для своего времени задачи поднять из руин церковные строения гораздо более важное, но и трудоемкое дело реабилитации человека отложилось. Однако сегодня на фоне множества возрожденных, а также свежестроенных храмов духовное просвещение становится кричаще безотлагательной для своего решения задачей. Пусть она даже страшит своей грандиозностью, от нее не отступиться, тем более что это дело составляет самую суть, природу и призвание Церкви. Исповедник XX века Сергей Иосифович Фудель, проводивший за веру в лагерях и ссылках более 25 лет, метко называл Церковь преодолением одиночества. Призвание Церкви — устраивать жизнь людей и весь состав каждого человека по закону любви, которая требует вдумчивой проповеди, терпеливого возделывания души всякого человека, в ком зажглась искра Божья. Но для исполнения такого призвания необходимо, чтобы и сама внутрицерковная жизнь была выстроена на основаниях любви и принятия.

Потому-то и можно увидеть ростки надежды в появлении признаков конструктивной дискуссии, которая, Бог даст, откроет возможность соединения, увы, немногих сил для духовного возрождения церкви и общества. Дух согласия и взаимодействия сегодня еще в дефиците, но есть надежда на его укрепление.

Разумеется, очень хотелось бы без больших потрясений пройти этот сложный период долгожданного перехода от строительства зданий к устройению человека и самой жизни. Уж слишком много их было в недавнем прошлом, когда уже и советские уполномоченные канули в небытие, а тяга к поиску врагов — как правило, вымышленных — и желание их уничтожить, если не сдаться, не только не исчезла, но почему-то выиграла с новой силой. Уж слишком серьезным оказался постсоветский синдром ложного величия, спровоцировавший в начале 90-х сильнейший выплеск православного фундаментализма, угрожавшего всем готовностью «защитить» им же наспех выстроенные псевдоустои и лжетвердыни.

Очень хочется верить, что теперь иные времена. Вот и Издательский Совет Русской Православной Церкви взял курс на поощрение изданий широкого спектра, от не лишенных фундаменталистского привкуса, до таких, которые в упомянутые времена получили бы порцию ярлыков: «модернисты», «экуменисты», не сказать еще страшней... Так на одном и том же заседании Коллегии по рецензированию и экспертной оценке Издательского Совета № 17 от 22 сентября 2011 года

получили гриф «Рекомендовано к публикации Издательским Советом Русской Православной Церкви» сочинения митрополита Иоанна (Снычева) и две книги отца Александра Меня. Те, кто симпатизируют первому, как правило, на дух не переносят второго; не редкость, когда бывает и наоборот. Однако как-то не страшно, и вот почему: оба названных автора отстаивают некоторое видение, занимают позицию, но не ведут войну на уничтожение.

А вот одна, и, пожалуй, только одна рекомендация настораживает, поскольку такой же поощрительный гриф получило откровенно агрессивное издание «Сети обновленного православия». Это был сборник статей, изданный с одной целью — опорочить, а получить, то и уничтожить ненавистных вдохновителей этой книги «реформистов» и «обновленцев». Замах был широкий, под подозрение в одной из статей были взяты даже видные иерархи РПЦ: архиепископ Виленский Хризостом (ныне митрополит на покое), митрополит Крутицкий и Коломенский Ювеналий, а также нынешний Патриарх Московский и всея Руси Кирилл, бывший тогда митрополитом Смоленским и Калининградским и председателем Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата. Они все, дескать, были выстованы «всемогушим модернизмом» митрополитом Никодимом (см. статью диакона Андрея Михайлова «Церковь и модернизм» в сб. «Сети обновленного православия», М., Русский вестник, 1995). Пропледа русских парижских богословов, о. Александра Шмемана и даже протопр. Виталия Борового на таком фоне даже неудобно упоминать, а уж главные фигуранты сборника, о. Александр Борисов и о. Георгий Кочетков... пусть читатель помыслит самое для него жуткое, но печатное словечко, и не удивится, что найдет его в текстах сборника, отпущенное по адресу действующих священников!

Совсем недавно Святейший Патриарх Кирилл призвал и паству, и священноначалие Русской Православной Церкви вспомнить название св. Иоанна Златоуста «учиться от языка». Это значит, по словам Патриарха Московского и всея Руси Кирилла, что нельзя называть даже своих врагов «пренебрежительными или оскорбительными именами. А почему? А для того чтобы душа училась от слов и, научившись, примирилась с врагами. Для того чтобы враг стал ближе, не нужно отчуждать его своими фантазиями, своими фобиями — конечно, не теряя бдительности. Не нужно приклеивать ему никакие ярлыки, никаких оскорбительных прозвищ, нужно бегать в некоем целомудрии свой язык».

«Буйству страстей человеческих» Святейший Патриарх призывает противопоставить даже «не большую силу логики, ума, способности спорить и убеждать», а «только исполнение слов Христа Спасителя: Итак, кто хочет, чтобы люди поступали с ним по-доброму, сам по-доброму относись к людям и любви врага своего». (См. проповедь Святейшего Патриарха Кирилла в неделю 18-ю по Пятидесятнице в Храме Христа Спасителя 16 октября 2011 г.)

Вот в видах такого мудрого и очень уместного сегодня назидания поведение противоположного свойства не должно было бы поощряться. Можно было бы оставить без внимания факт публикации, не попади он в поле внимания официального органа Московского Патриархата. Присвоение грифа «рекомендовано к печати» приходится расценивать именно и только как поощрение, оно и формально-то означает, что книгу с таким грифом позволено распространять в храмах Московской Патриархии.

Можно и нужно способствовать тому, чтобы всякое мнение (кроме антицерковного) получало доступ к публикации, и было бы странно ограничивать чье-либо право на мнение как таковое. В церкви может быть и даже должна быть борьба мнений, но невозможно культивирование вражды и ненависти. А потому, чтобы «беречь в целомудрии свой язык» — а наипаче и ум, и сердце, добавим мы, — в отношении иных измышлений рекомендовать стоит одно лишь воздержание от оных.

Николай Константинов
Благовест-инфо, Предание.org

Я ДОЖДУСЬ

Свящ. Георгий Кочетков (в центре), А.Д. Василевская и другие прихожане, пострадавшие от провокации 1997 г. Снимок сделан рядом с Сергиевским храмом после снятия неправедных прещений. Март 2000 г.

6 ноября исполнилось пять лет, как с нами нет Аллы Даниловны Василевской.

Память о ней всегда жива, потому что мы были и есть родными людьми, потому что есть наша постоянная, надеюсь, взаимная молитва.

В церковь Алла пришла в возрасте 58 лет, а крестившись, положила на стол свой партийный билет, сказав: я не с вами, а с Господом, но когда нас будут судить, я сяду на скамью подсудимых вместе с вами.

«Когда, закончив оглашение, мы были в Рождественском храме на своей первой агапе, я чувствовала себя так, как будто жизнь моя только начинается (в 58 лет!) и все главное еще впереди. Жизнь же, оставшаяся за плечами, была только подготовкой к этому главному. Такое же чувство остается у меня и сейчас» (из письма протопр. Виталию Боровому, 1995 г.).

Пришла в церковь и сразу взялась за самую тяжелую работу: уборщицы в храме, потом разнорабочим в ремонте помещений Свято-Филаретовского института. А заодно она всегда видела, кому нужно помочь мудрым словом, теплой улыбкой, личным участием.

«Храмы еще только восстанавливались, но уже шли люди, сначала боязливо — кто с чем, но с чем-то своим больным, чтобы поделиться, получить помощь, и получали ее в церкви: возбужденные — успокаивались, угрюмые — воодушевлялись и т.д. Уходили другими. Каждый спрашивал: «Чем помочь, я могу то-то». А кто-то возвращался специально от метро, чтобы сказать: «Господи, храм восстанавливается — может быть, и мы оживем» и попросить прощения у меня за всю желчь и злобу на жизнь, которые недавно выплили мне. В ответ могла лишь сказать: «Я такая же, ничем не лучше». А в душе у меня ликование: люди улыбаются, надежда оживает».

Дочь репрессированного отца, она вместе с матерью свою юность провела в Воркуте, и мы задолго до вхождения этой темы в церковное сознание слушали ее рассказы о том, как Господь действовал в той непростой жизни ее семьи и окружения.

Как-то она вспоминала, как ей, еще школьнице, дали прочитать по радио стихотворение Лермонтова «На смерть поэта». И она с большой внутренней силой читала: «...Но есть и Божий суд, наперсники разврата! / Есть грозный Судия, — Он ждет! / Он неподкупен звону злата, / И мысли и дела Он знает наперед...» Необычность (кроме упоминания о Боге по радио) здесь в том, что это было в середине 50-х гг. и в Воркуте. Представьте себе, как это слушалось ТАМ, где репрессированными были практически все! Ей говорили потом, что многие от неожиданности плакали в своих квартирах навзрыд...

Когда забрали отца, ей, четырехлетней, мать сказала: твой отец — честный и хороший человек, никогда не забывай этого, и она верила и надеялась на его реабилитацию. И дождалась.

Но вот только одно ее горячее желание пока не сказать чтобы исполнилось полноценно.

На волне внутрицерковных гонений 90-х годов был неправедно осужден священник Георгий Кочетков, наш общий духовный отец, человек, беззаветно служащий делу возрождения Русской православной церкви, на сегодня уже более десятка тысяч людей приведший в нее не формально, а как сынов и дочерей, которые берут на себя всю ответственность за ее жизнь. Явная провокация фундаменталистских кругов в 1997 году привела к запрещению в служении его и отлучению от причастия одиннадцати братьев и одной сестры — Аллы Даниловны. Им пришлось пройти через горечь допросов в духе известной организации, клевету и поношение, невозможность причастия в продолжение трех лет. Для Алочки это оказалось непосильной ношей, физически непосильной — через два года после снятия в 2000 г. неправедных прещений она слегла в постель и уже не встала.

Последние ее годы были годами непрестанной ее молитвы за церковь, за батюшку, за всех нас, за народ, живущий в страхах, — она хорошо понимала сущность катастрофы, происшедшей с человеком, выкованным в советском режиме. И я думаю, что ей и сейчас горько, что после того, как были разлиты тонны грязи и клеветы на все братство, лично на батюшку, громко, на всю церковь поносилось движение, возрождающее общинную и братскую жизнь в Божьем народе, извинения не были сказаны даже шепотом.

«Я дождалась реабилитации родного отца, дожусь реабилитации и духовного!» — повторяла Алла Даниловна.

А произошла ли она? Вот вчерашний пример: мой сын вернулся с православной выставки в Манеже, где он стоял за стендом СФИ, и рассказал, что к ним подошел человек и тихо спросил: а что теперь с отцом Георгием, жив ли, служит? И был просто изумлен, услышав, что уже 11 лет он служит в Новодевичьем монастыре, является ректором Института, имеющего аккредитацию и лицензию от государства и от Патриархии. Что есть уже такие епископы, которые не боятся приглашать о. Георгия и преподавателей СФИ для проведения семинаров по катехизации для всех ответственных за это богоугодное дело в своих епархиях.

И все же, невзирая на все тяготы и страдания, перепавшие на долю сестры нашей Аллы, главным ее свойством, которое осталось в памяти каждого знавшего ее человека, была ее способность непрестанно и за все благодарить Бога.

Она мирно отошла ко Господу в день памяти иконы Божьей Матери «Всех скорбящих Радость» — когда-то в этот день она по зову Божьей Матери впервые пришла в храм (в честь этой иконы) и осталась верной дочерью Церкви навсегда.

Татьяна Авилова, блог «Заходите, заходите, отряхните пыль дорог»
a-tanj.livejournal.com

— Известно, что в этом году Преображенское братство особый акцент в своей жизни сделало на аскетике. В то же время от разных людей, в том числе и от некоторых архиереев, приходилось слышать, что в братстве и так очень сильны аскетические настроения. Это действительно так: ведь некоторые члены братства берут на себя, например, двухразовое питание, отказываются от мяса, что, в общем, традиционно для православия, но не слишком широко распространено. Почему вдруг появилась при этом необходимость еще дополнительно вместе об этом размышлять?

— Проблема в том, что мы порой относимся к аскетике как к набору неких действий, которые призваны ограничить человеческую плоть. Плоть же при этом, к сожалению, зачастую воспринимается только как тело. При этом забывают, что плоть — это и духовное понятие. «Плотской человек» — тот, кто не хочет духовного, независимо от того, что у него есть какие-то высокие душевные порывы.

К сожалению, с течением времени было забыто то, что ограничивать-то нужно плоть, а не только тело, и что для ограничения плоти нужно что-то делать еще в отношении души и духа. Иначе плоть оказывается чем-то враждебным душе и духу, а это чисто языческий подход, по которому всякая материя есть зло сама по себе. Ведь зла как такового, в смысле противления Богу, в языке нет, там все материальное и есть недуховное. К сожалению, такой взгляд как-то проник (я бы сказал, «заполз») в церковную среду. И вот, люди начинают «ломать» свою плоть, в лучшем случае — «дрессировать» ее как какое-то глупое животное...

— А почему нет? Вот Франциск Ассизский называл же свое тело ослом...

У него этот «осел» — не только глупый¹. Враг же «хитер и коварен» — в данном случае в том смысле, что любое внешнее угнетение против себя он может повернуть в свою пользу. И когда человек начинает не есть, не спать, делать поклоны, ходить помногу на службы, часами молиться дома

Кто живет с отцом или братом своим, пусть не совещается ни о чем с кем-либо из посторонних, но о всем — с тем, кто живет с ним: в этом мир и послушание.

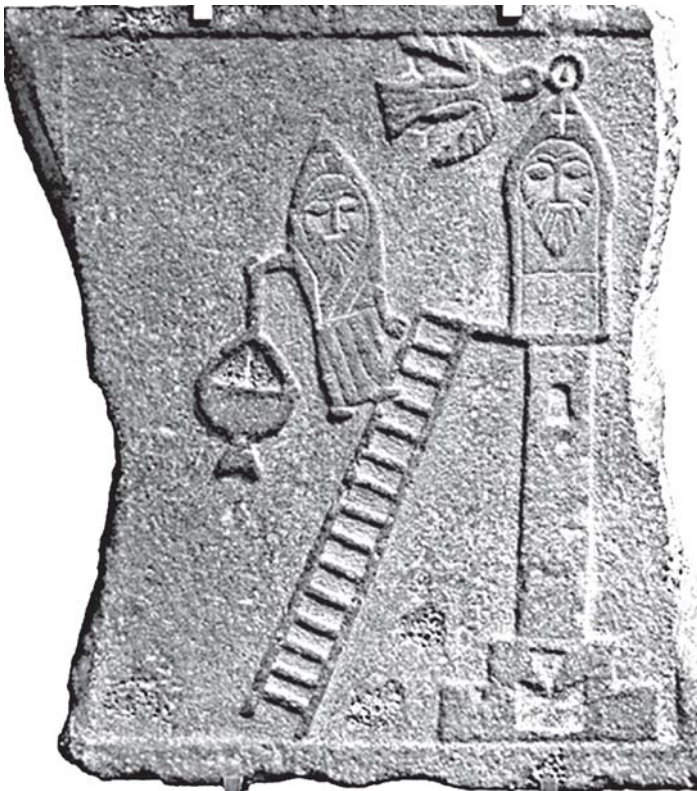
Из поучений аввы Исаяи, Добротолубие, т.1

и думать, что он тем самым «смиряет плоть», то он попадает в ловушку врага, потому что ломает свое богоданное тело и его, как правило, расслабляет. Конечно, бывают случаи, когда, действительно, удается от каких-то греховных привязанностей таким волевым ударом освободиться. Но это происходит лишь тогда, когда да чудом Божиим человек, кроме физических усилий, начинает делать и духовные.

И все-таки церковный народ обычно рассматривает аскетические усилия как нечто внешнее по отношению к себе. Отсюда пословицы типа: «Была кручина — будет и радость, был пост — будет и праздник». То есть пост совершен-

ПОГЛЯДИ НА БРАТА

Интервью с Александром Копировским, сопредседателем братства «Трезвение»

Св. Симеон Столпник (и брат, несущий ему пищу). Базальтовый барельеф рубежа V-VI вв. (фото с сайта: asketic-travel.livejournal.com)

но очевидно отождествляется с кручиной. Почему возникает впечатление, что вот, мол, в Преображенском содружестве — сплошные аскеты? Именно поэтому. Да, относительно среднего уровня у нас внешние аскетические усилия могут показаться выше, ведь большинство обычных прихожан знают ограничения меню в Великий пост и еще, дай Бог, в остальные три поста и по средам и пятницам, плюс земные поклоны в тот же пост. И когда они слышат, что люди решились на сухой закон, на двухразовое питание независимо от времени поста, да еще что некоторые берут обет безбрачия (точнее, целомудренного служения Богу и Церкви), то это им кажется запредельным! А это вовсе

сильно приуныли, но сразу избавились от представления, что они могут вести аскетическую жизнь «по правилам».

Поэтому что бы кто ни говорил, будут ли нас хвалить за аскетiku или ругать, к этому надо относиться, как отцы-аскеты советовали: если тебя волнует мнение людей о себе, пойдти на кладбище и ругай покойников, потом вернись и скажи, как они реагируют. Молчат? Ну, пойдти, похвали их. Тоже молчат? Вот и ты точно так же: ругают ли тебя, хвалят ли тебя, не реагируй. Потому что в аскетике важны плоды, а не сам факт аскетических усилий. Этот «факт» может привести ровно к обратным вещам: к гордыне или унынию, которые, как известно, родные сестры. У нас, на самом деле — очевидный недостаток аскетических усилий, даже чисто внешних. Мы плохо постимся не потому, что не дотягиваем до Устава, а потому что мы непослдовательны — раз, и мало смотрим на плоды — два. Плохо над собой работаем. Написали диктант, получили тройку — ну и ладно, государственная оценка. А надо посидеть, поработать над ошибками, выучить правила, тогда будет результат. Если такой работы нет, это то же, что нагревать печку при открытой форточке.

Есть и еще одна проблема.

Аскетика стала, к сожалению, абсолютно индивидуальной, тогда как даже пустынножизненная аскетика — это всё-таки, как правило, аскетика многих людей, собравшихся в монастырь, в пустыню, в аскетериум (то есть в отдельную комнату), где они делают общее дело. Развившаяся ныне индивидуализация — это общепер-

ковная проблема. Каждый мучает себя как может, при этом — не глядя на плоды и не глядя на брата.

Апостол Павел говорит: «Если пища вводит брата моего в соблазн, ни за что не буду есть мяса вовек, чтобы брата моего не соблазнить (1 Кор 8:13)». Здесь имеется в виду не обычное мясо, а жертвенное, что тоже, кстати, существенно, но все-таки самый важный момент — посмотреть на брата.

Символ того, о чём говорит ап. Павел, сегодня — не жертвенное мясо, а совсем другие вещи. Вот кто-то говорит: «А мне соблазн то, что у вас служат на понятном языке, что у вас люди после храма собираются». Здесь надо быть как покойник — глухим. Потому что мало ли кто что думает. В некоторых случаях нужно иметь мужество резко менять своё поведение ради брата и ближнего: *своего* не надо держаться. А в некоторых — иметь мужество не менять его, что бы ни говорили и кто бы ни говорил, если ты знаешь, что делаешь не своё, а церковное дело.

Если живешь с братьями, и помысел твой захочет стеснить тебя (более обыкновенного) в употреблении пищи, скажи помыслу своему: (брат) немощный, здесь живущий, есть владыка мой. Если решительно желаешь увеличить воздержание, возьми себе малую келью особую, а брата своего немощного не смущай.

Из поучений аввы Исаяи, Добротолубие, т.1

Надо находить всё новые и новые пути, и в этом смысле ослаблять себе жизнь, иметь постоянную головную боль. Перенесение ее достойно — вот это, действительно, аскетика. Она плодотворна. Вообще же головная боль оттого, что ты к телу относишься неправильно, не как к Божьему творению, — это грех, за который надо ещё и казаться. За такие грехи настоящие духовники прописывают ровно обратное: есть, спать, сокращать молитвы — чтобы человек не гордился.

— Есть ли плоды этих общих усилий?

— Ну, погодите немножко. В ближайшее время, надеюсь, мы издадим материал для чтения, потому что аскетика — это и выбор того, что надо читать. Здесь, кстати, могут быть парадоксальные вещи. Высокохудожественная проза, очень серьезная, может быть по-настоящему вполне аскетической, тогда как некоторые «духовные» тексты могут быть хуже любого самого жирного мяса, потому что они развлекают, а толку никакого. Иногда же — просто обманывают...

Надеюсь, что люди будут не только читать, но и соображать: что же им нужно сейчас в плане аскетики, чтобы она не была индивидуалистической, чтобы она не была против тела, против братьев, а чтобы она была за обновление церкви. Это означает совсем не расслабленность типа «нет, мы будем есть мясо, когда нам удоб-

но». Например, можно подумать о том, почему в древней церкви акцентировали внимание не на калорийности, а на стоимости пищевых продуктов. И если ты в пост затрачиваешь меньше (а так, конечно, и нужно), куда это девать? Надо отдать в храм, в институт, бедному человеку отдать — себя ущемить, отдать ради Бога. Тогда и пост будет в радость. А если нет, то дух будет унылым. Чтобы пост не заключался в переходе на булки, от чего только полнеют и желудок портят...

Надо будет посмотреть, как подход более глубокий, более проблемный (потому что он займет больше времени и сил) и, вместе с тем, более традиционный отзовется в братстве, какие будут плоды. Пока — плоды обнадеживающие, хоть и небольшие. Я из самых неожиданных мест получаю отклики, что братья и сестры приветствуют этот подход, понимая, что тело своё мучить проще (можно научиться и не два раза в день есть, а один, не шесть часов спать, а четыре — это ерунда). А вот глужбе копать — труднее. Если, конечно, не так, что «копнул глубже — и отдыхаешь». Нет, дальше — больше, больше, больше...

Нужно научиться терпеть друг друга, не скрипя зубами и не говоря «ну, погоди, вот кончится

пост, я с тобой разберусь», а переставляя себя. Или понимая, что себя не переделаешь, значит, надо смириться. Преодолевать стремление переделать другого, понимая, что мы можем его сломать, а сами останемся теми же. Очень обнадеживает то, что люди открыто говорят, пишут, что хотели бы настоящей аскетики, настоящей духовного, «умного» делания. Конечно, это не плод, а пока только завязь. Дай Бог, чтобы был и плод.

Ноябрь 2011 г.
Беседовали
Александра Колымагина,
Анастасия Наконечная

¹ Вот как говорил об этом в своем трактате «Любовь (Four loves)» Клайв Стейплз Льюис: «У нас, людей, три точки зрения на наше тело. Аскеты-язычники зовут его темницей или могилой души, христиане вроде Фишера — пищей для червей, постыдным, грязным источником искушений для грешника и уничтожением для праведника. Поклонники язычества (очень редко знающие греческий), нудисты, служители темных богов славят его во всю. А святой Франциск называл его братом ослом. Быть может, все они в чем-то правы. Но я выбираю Франциска. «Осел»

— то самое слово. Ни один человек в здравом уме не станет ненавидеть осла или ему поклоняться. Это полезная, двузначная, ленивая, упрямая, терпеливая, смешная тварь, которая может и умилить нас, и рассердить. Сейчас он заслужил морковку, сейчас — палку. Красота его нелепа и трогательна. Так и тело: мы не уживемся с ним, пока не поймем, что среди прочего оно состоит при нас шутком. Да это и понимают все — и мужчины, и женщины, и дети, — если их не сбили с толку теориями. То, что у нас есть тело, — самая старая на свете шутка».

ИЗДАНИЕ ПРЕОБРАЖЕНСКОГО СОДРУЖЕСТВА
МАЛЫХ ПРАВОСЛАВНЫХ БРАТСТВ

Одобрено Синодальным информационным отделом Русской Православной Церкви (Свид. №081 от 3 мая 2011 г.).

Главный редактор: А.В. Колымагина

Адрес редакции и издателя:
105062, г. Москва, ул. Покровка, д.29
Тел./факс: (495)624-9250
Электронный адрес редакции: kifa@list.ru
Электронная версия газеты: gazetakifa.ru

Подписной индекс в агентстве Роспечать — 19601

Над номером работали:
Анастасия Наконечная, Максим Дементьев,
Александр Копировский, Елена Шевелева,
Дмитрий Дорошко, Ирина Кольцова,
Лариса Мусина

Дизайн: Андрей Мареев
Верстка: Татьяна Тыртыш

Учредитель: Культурно-просветительский фонд «Преображение».
Газета издается с октября 2002 г.
© Культурно-просветительский фонд «Преображение».
Все права защищены.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.

Нашу газету можно приобрести: в интернет-магазине predanie.org; в Москве: в редакции (в настоящее время находится в помещении СФИ — ул. Покровка, д. 29, оф. 38); в Санкт-Петербурге: в магазине «Слово» (ул. Малая Конюшенная, д. 9).
Телефоны распространителей
Москва: (495)314-2596 (Александра Ошарина), +7-905-553-6304 (Елена Голыгина), (495)342-6306 (Марина Чиркова)
Санкт-Петербург: +7-963-316-3981 (Анастасия Наконечная)
США, Канада: 1-651-210-4922, oleg@voskres.net (Олег Воскресенский)
Архангельск: +7-921-073-3276 (Надежда Макурина)
Вельск: +7-921-812-5959 (София Кудрявцева)
Воронеж: +7-950-763-5035 (Александр Терехов)
Рязань: (4912)99-1425 (Сергей Гаврилов)
Северодвинск: +7-9643009145 (Светлана Папиловская), +7-964-296-9042, kolpa-tatyana@yandex.ru (Татьяна Колпакова)
Тверь: (4822)50-2308 (Олег Ермолаев)
Тула: (4872)37-5782 (Марина Писаревская)
Электросталь: +7-926-787-4305 (Ольга Кузнецова)

GAZETAKIFA.RU

Газета зарегистрирована
Федеральной службой
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор). Свидетельство
о регистрации ПИ № ФС 77-46907
от 5 октября 2011 г.
Ипечатано в типографии
«Эльф», г. Москва,
ул. Сушевский вал, д. 49.
Тираж 1300. Цена свободная.
Выпуск подписан в печать
22 ноября 2011 г. Время
подписания в печать: по графику
— 9.00, фактически — 9.00. Дата
выхода в свет 25 ноября 2011 г.

ОТЛИЧАЕТСЯ ЛИ ЗНАНИЕ ОТ ВЕРЫ

Ответы на вопросы Открытых встреч

— Христос говорил о приближении Царства Небесного. А сейчас насколько оно приблизилось? Какая стадия этого приближения?

Александр Михайлович Копировский, катехизатор (Св.-Андреевское братство): Христос говорил уже в начале Своей проповеди, что Царство Небесное приблизилось. А потом, после этого, когда Он ходил по Иудее со Своими учениками, сказал им однажды: «Царство Божие среди вас (или, как мы привыкли слышать по-церковнославянски, “внутри вас”) есть». И все считают, что «внутри вас» — это значит, где-то внутри у каждого. Но на самом деле слово «внутри» означает в переводе с церковнославянского, что оно *среди* вас. И Господь, конечно, имел в виду, что оно уже проявляется. Бывают ситуации, когда апостолы, сами даже еще этого не ощущая и не сознавая, находятся в Царстве, потому что они с Ним, а Он с Отцом. И вторая половина Его служения, время Его жизни на земле — это время, когда Царство Небесное все больше и больше приходит как факт, а не только возвещается как надежда...

Поэтому ответ на Ваш вопрос простой: тот, кто среди учеников Христа и со Христом, тот уже в Царстве Небесном, пусть еще и не в полноте. И если даже человек только движется по направлению к нему, то на какой он стадии этого движения, на такой стадии для него и приближение Царствия Божия.

Если это «право-верный» человек (в том смысле, что он верен правде, ищет правду, хочет правды, старается в своей жизни правду соблюдать) и при этом верит в Единого Бога, то он, как сказал Христос, «недалеко от Царства». Можно сказать — совсем близко. Если же он обращается ко Христу, то он уже, что называется, «одной ногой» там. А входя в Церковь, человек начинает непосредственно приобщаться к этому Царству.

— Почему христиане воюют против других?

Владимир Иванович Якунцев, катехизатор (Св.-Сергиевское братство): Если где-то христиане воюют против каких-то людей, то возникает большое сомнение — христиане ли они. Господь, как известно, дает силу побеждать «всяких змей, скорпионов и всякую силу вражью», т.е. воевать против зла, греха, против смерти, но не против людей. К сожалению, многие люди, которые называли себя христианами в истории, об этом забывали.

И сказал Господь Авраму: поиди из земли твоей, от родства твоего и из дома отца твоего [и иди] в землю, которую Я укажу тебе (Быт 12:1).
Гравюра Густава Доре

АМК: Когда христиане ведут войну с оружием в руках, то они всегда это делают от имени определенного государства. Но даже если такое государство именует себя христианским, это не значит, что его Бог признал христианским. И поэтому христиане практически всегда воюют за государственные цели, даже если они это называют «за Веру, Царя и Отечество». Прот. Всеволод Шпиллер говорил, что у нас канонизировано много святителей, преподобных и т.д., но князей очень мало, единицы. И еще: что христианин, идущий на войну, должен рассуждать примерно так: «Война — ужас, война — грех. Но, вот — надо воевать...» Потому что ты в этой стране живешь, а она воюет. Ты вместе с ней воюешь, но это всегда ужас и грех. Вот и все.

Не надо к тому же забывать, что христианин, убивший кого-то на войне (даже освобожденной), в виде церковной «награды» отлучался от Церкви *на меньшее число лет*, чем если бы он был просто убийцей — на пять, а за вольное убийство — на пятнадцать и больше.

ВИЯ: Видимо, вопрос продиктован противоречием между Евангелием и такими вещами, как стремление освящать

богостроения. Важно понимать, что в церкви эти вещи дискутируются, ведь вся церковь не поддерживает практику такого освящения.

— Отличается ли знание от веры? Митрополит Сурожский Антоний рассказывал, что его знакомый священник говорил так: «я все понимаю, знаю, но не верю». А я вот читаю Евангелие и думаю: я понимаю, знаю, мне кажется, что верю. Но так ли это?

ВИЯ: Знание от веры отличается кардинально. Дело в том, что знание человека никогда не обязывает к определенному действию, хотя накладывает на человека, что-то знающего, конечно, какую-то ответственность. А вера всегда приводит к действию. И в каком-то смысле разговор о том, что вера и жизнь могут, например, противоречить друг другу, не имеет смысла, потому что на самом деле жизнь человека всегда выявляет его реальную веру. Всегда. Жизнь человека всегда показывает, во что он реально верит, и по-другому не бывает.

Другое дело, что вера часто понимается как верование, как некоторое убеждение и как некоторая идеология.

Тогда она просто превращается в знание, но верой уже не является. В таком случае можно говорить о мертвой вере. Итак, вера — это то, из чего человек исходит в своем действии, в своих целях, в своих приоритетах в жизни, в первую очередь в нравственных.

— Покаяние подразумевает прощение или это не связанные напрямую вещи?

ВИЯ: Покаяние неразрывно связано с прощением, потому что покаяние связано с изменением сердца. И сердце, если в нем действительно есть покаяние, меняется всегда в определенную сторону, в сторону того, чтобы возвещать любовь Божию, ее являть, приносить плоды этой любви. И поэтому, если нет покаяния, то человек и других простить не может, и принять прощение от Бога не может. Это и Евангелие подтверждает. Есть знаменитая притча о немилосердном займодатце, где Христос как раз говорит о том, что если человек не прощает долг своему другу, он не может удержать плоды милости Божьей.

АМК: Первый плод покаяния, может быть, — прощение другого. Если человек не может простить другого, то как могут ему простить? Он начинает мучиться сам, но это мучение бесплодно. Как сказал один монах, «есть мученики и у сатаны». Дай Бог, чтобы такой человек сам, когда мучается, хотя бы не делал греха. Но это, видимо, максимум.

Важно понимать, что мы подразумеваем под прощением. Помните, в «Братьях Карамазовых» лукавый вопрос Ивана Алеше о Царствии Небесном: генерал, который спустил на мальчика собак, и они разорвали его до смерти, и мать мальчика в Царстве Небесном обнимутся? и скажут: прав Ты, Господи, ибо открылись суды Твои? Или генерала расстрелять? Алеша отвечает: расстрелять. Он не говорит, что генерала простить нельзя, но разговор о его прощении в этом случае закрывает.

Что значит «не простить»? Желать, чтобы человека, сделавшего откровенное зло, разорвало в клочья? «Жена его да будет вдовой, дети — сиротами»? Или просто назвать злое дело или злого человека злым, чтобы прощение не обернулось лукавым прикрытием зла? В первом случае вопрос о прощении не ставится, но во втором оно не исключено.

— А была бы вообще история, если бы все приняли Христа?

ВИЯ: Была бы, но она была бы совсем другая.

Неперемолотые в Пскове

В Пскове с 30 октября по 19 ноября в главном здании Псковского государственного объединенного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника проходила выставка «Неперемолотые. Опыт духовного сопротивления на Урале в XX веке».

За двадцать дней экспозицию посетило более трёхсот человек. Среди них были люди самых разных профессий и разного возраста.

Посетители оставили свои отзывы в «Книге впечатлений», в которых благодарили организаторов выставки за собранные материалы, наглядно свидетельствующие о примерах духовного сопротивления «красному террору» XX

века. Некоторые из них мы приводим здесь.

Группа издательского отдела Псково-Печерского монастыря: «Очень благодарны тем, кто собрал материалы выставки — это очень нужное, очень большое дело...»

Прихожанка псковского храма Успения Божией Матери: «Есть пословица: “Кто выстрелит в свое прошлое из пистолета, того будущее разнесет из пушки”. Дай Бог нам собрать все крупинки нашего прошлого, чтобы хотя бы у наших детей была надежда на будущее. Спаси Господи всех устроителей, помощников и авторов выставки. Дай Бог, чтобы из этих ростков выросло наше осоз-

нание случившегося и послужило началом нашего действительного отрезвления и выздоровления. Низкий вам поклон и многая лета».

Учащиеся 11-го класса лицея № 20: «Эта выставка дает очень много тем для рассуждений... Выставка, с одной стороны, выглядит очень скромно, но она богата интересным материалом...»

Илясова Марина, г. Москва: «Прекрасная выставка, которая дает возможность узнать то страшное время, когда уничтожалась Церковь и Вера. Огромное спасибо за ваш труд».

Раба Божия Елена: «Выставка потрясающая! Пришла во второй раз. Слава Богу за удивительный живой рассказ Константина Петровича... Спаси Господи всех устроителей и организаторов».

Из репортажа Нелли Смирновой
Псковская лента новостей

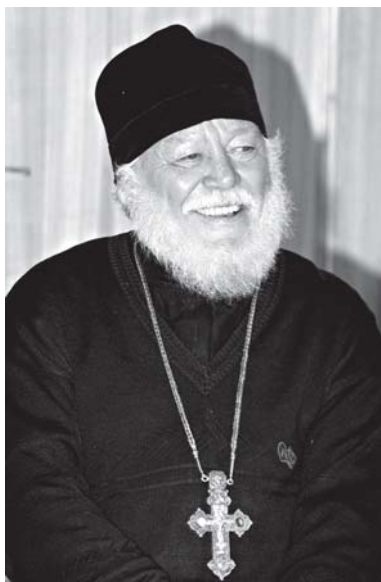
Несколько раз в рамках работы выставки проходили встречи с представителями духовенства епархии, предоставившими для неё экспонаты из своих личных архивов: документы, посвященные жизни и служению сщмч. Константина Шаховского* (из архива прот. Владимира Попова) и архим. Бориса (Холчева)** (из архива прот. Павла Адельгейма). Фрагменты этих бесед мы публикуем на второй странице «Открытой встречи».

* Константин Яковлевич Шаховской (29 октября 1905 — 4 июня 1972) — князь из рода Шаховских, священник-миссионер в составе Псковской православной миссии. Арестован весной 1945 г. Осужден на 10 лет лагерей и 5 лет ссылки. Один из прототипов главного героя фильма «Поп».

** Архим. Борис (Холчев) — исповедник, священник, принадлежавший к мечёвской общине. Подробно о его служении можно узнать из доклада прот. Павла Адельгейма, прочитанного на конференции «Служение Богу и человеку в современном мире» (материалы готовятся к печати).

ГДЕ ХОРОШО БЫЛО ИСКАТЬ БОГА

Рассказывает прот. Владимир Попов

Прот. Владимир Попов

Один из признаков печального времени то, что молодежь не знает и не хочет знать о том, что произошло в 1930–50-е годы. Это одно из самых болезненных явлений нашего времени. Потому что происходит провал в памяти, а это приводит к тому, что будущее поколение еще более лишено корней, чем мы, воспитанники Сталина и Хрущева. И конечно, такие выставки крайне нужны для того, чтобы человек смог прикоснуться к нашему общему прошлому и представить весь ужас того времени, когда главным был страх. Человек ложился спать со страхом и вставал со страхом.

Помню, когда я был секретарем у владыки Иоанна (Разумова), к нему как-то приехали из КГБ. Он очень испугался и просил передать «нежданным гостям», что уехал в Печоры. Я поразился этому детскому страху. Впоследствии он рассказал мне, что был келейником у будущего патриарха Сергия (Страгородского), и они каждую ночь в 1937–39 годах ждали ареста. У митр. Сергия на этот случай была небольшая связка с рубашкой, кальсонами и сухарями. В такой же обстановке жили многие-многие люди. Ушла эпоха и все забылось, а этого забывать нельзя.

В 1960-е годы, когда я был студентом, основным чувством все равно был страх. Постоянно надо было опасаться, что в деканат наступят, а потом дальше наступят. И это было повседневно. Многие от этого внутренне ломались. Сейчас есть люди, которые не понимают этого, но надо, чтобы мы почувствовали, от чего освободились. И если это будет забыто, то все было напрасно. Если мученики — это семя христианства, то оно тогда семя, когда есть память об этом. Если памяти не будет, то все бесполезно. И церковь сейчас стоит перед очень важной проблемой — реанимировать память.

Когда я поступал в университет, мой воспитатель Тауров, пришедший после XX съезда к взглядам, подобным эсеровским, дал мне задание — организовать анти-советскую группу. Я пытался это делать, но меня тут же «закладывали».

На втором курсе я как-то сказал на семинаре, что книга Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» — это не философия, а хулиганство. И, конечно, после этого я загремел отовсюду. Меня сразу исключили из университета, в «Комсомольской правде» была статья, что есть такие демагоги, которые Бог вещь что говорят на Владимира Ильича, а потом меня посадили в сумасшедший дом. И там я должен был лечиться от паранойи, потому что нормальный человек такие вещи сказать не может. И я действительно лечился. Мне было тогда лет 19–20, я был увлеченным читателем Шопенгауэра и Ницше. Сумасшедший дом вылечил меня от представления, что всё дается разумом. Я понял, что должно быть вне разума какое-то важное содержание, на которое можно опираться, т.е. иными словами, должен быть Бог.

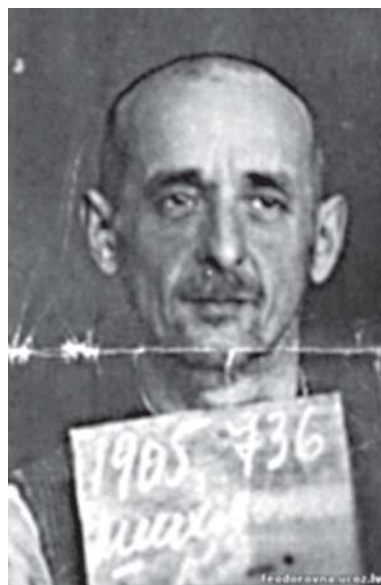
Бога было хорошо искать в сумасшедшем доме. Рядом со мной сидели баптисты. Мне дали Евангелие, и я начал читать. Я был бесконечно далек от церкви и от веры. Я был полностью советский человек. Но что-то во мне уже сдвинулось с мертвой точки.

Ко мне относились хорошо. Врачи (видимо, под давлением) поставили мне диагноз «шизофрения». Лечили сурово, делали сильные инъекции инсулина до припадков, а потом из мертвых воскрешали. Через три месяца я понял, что если меня так будут лечить не месяц, а полгода, а мо-

жет быть, и год, то тогда точно можно стать сумасшедшим. И тогда я взял книгу Ленина «Материализм и эмпириокритицизм», ходил по коридору и делал вид, что я читаю. А потом написал заявление, что после лечения я почувствовал себя лучше. И опять Господь помог — меня тотчас же освободили. И врач Березин дал хорошую характеристику, и теперь мне было разрешено поступать в университет.

Я стал ходить в церковь. И как раз в это время появилась огромная статья в «Красном знамени», где некий дьякон описывал разврат и пьянство священников. Мама мне сказала: «Вот, почитай, ты стал ходить в церковь, посмотри, как попы живут». А последняя колонка статьи была посвящена отцу Константину Шаховскому, там говорилось, что он вообще враг советской власти. И я решил, что непременно с ним познакомлюсь. Я пришел к нему и сказал: «Я тоже антисоветчик». Хорошо, что он не выгнал меня враз. Но тут вмешалась его матушка, моя будущая теща. Она ко мне с удивительной симпатией отнеслась и как-то уговорила о. Константина, чтобы он меня принял. Возникла беседа, и мы друг к другу почувствовали доверие. И потом я стал помаленечку ходить к ним и общаться. Это был человек высокой культуры, а главное, у него было что-то, что отличало его от всех нас. Его манеры, его внешний вид, его поведение, и, конечно, беседы разительно отличали его от всех, кого я когда-либо видел. Бывало, мы сидели до трех часов ночи. Мы с друзьями приходили к нему, и он рассказывал о своей лагерной жизни, о будущем страны, о том, как вырваться из коммунистического плена. Это были незабываемые времена.

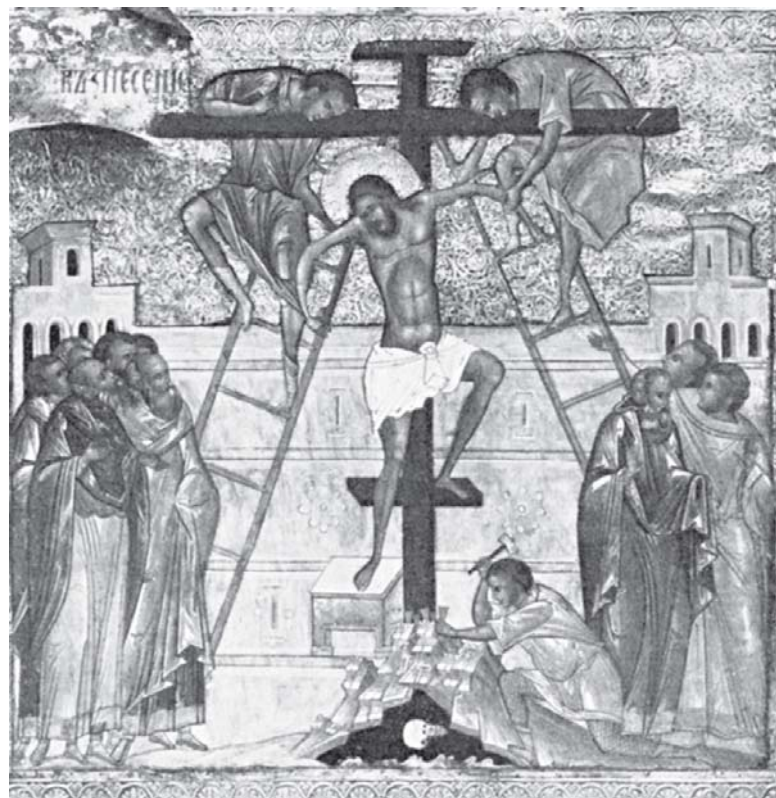
Все-таки по-настоящему истина передается через общение. Ее невозможно вычитать, невозможно как-нибудь постичь. Она передается из поколения в поколение. И я с ужасом смотрю, как уходит поколение отцов, тех, кто отсидел в лагерях.

Прот. Константин Шаховской. Фото из лагерного дела

МЫ ВСЕ ЛОЖИМСЯ В ОДНУ И ТУ ЖЕ ЗЕМЛЮ

Беседа с прот. Павлом Адельгеймом

Восшествие на крест.

Иисус же говорил: Отче, прости им, ибо не знают они, что делают. (Лк 23:34)

— Я из того поколения, которое может знать об истории только по рассказам. И я благодарна Богу и близким, родственникам, которые не побоялись возможного напряжения и рассказывали мне о том, что происходило на Колыме. Я с детства хорошо знала о жизни в этих краях. С одной стороны, не было иллюзий в отношении того, что строилось в нашей стране, с другой

стороны, трудно было представить, как это повредило и до сих пор повреждает всю нашу жизнь. А.П. Чехов говорил о том, что нужно из себя «по капле выдавливать раба». Да, есть надежда, что путь покаяния не закрыт для нашего народа. Но для этого необходимо, как-то взглянув на прожитый скорбный путь, осмыслив его, найти, на что можно всерьез опереться.

— Опереться можно на покаяние, если готовы к примирению. Те, кто перемолот, и те, кто не перемолот, и те, кто кнопки нажимал, чтобы перемалывать, — все в одной земле лежим, и трудно сказать, кто в чем виноват. В одну эпоху перемалывали одни, в другую эпоху их перемалывали другие, потом тех, что перемалывали, тоже кто-то перемалывал. И все мы ложимся в одну и ту же землю. У одного поэта есть слова: «Полистаешь наугад — всё расстрелы да застенки, от Памира до Карпат нет не выщербленной стенки. Вот и думается мне: до чего же я ничтожен, если в этойкой стране до сих пор не уничтожен...»

То же видим на политической карте мира. Сколько было войн! Взять хотя бы одну Европу: Франция, Германия, Россия, Италия — все воевали между собой. А какой результат? Что было, то и осталось. Все страны на своём месте. Чуть подвинулись границы здесь или там и опять вернулись на старое место. История прошла, география осталась прежней. Спрашивается: «Зачем?» Во имя личного или национального честолюбия, во имя идеологии войны кормила Молоха кровью и смертью тысяч людей. Вот такая бессмыслица. Пора поставить главный вопрос о примирении, ибо только примирение может привести к покаянию.

— Как могло бы произойти это примирение?

— Когда Господа Иисуса Христа привели на Голгофу, положили на крест и раздали удары тяжелых молотков, пробиваю-

щих гвоздями Его руки и ноги, все ждали, что раздастся с этого креста. Обычно с крестов раздавались либо мольбы и стоны, либо проклятия. Все ожидали: что раздастся с этого креста? С креста раздалась молитва: «Отче, отпусти им, не ведают бо, что творят». Это и есть основа примирения. Чтобы примириться, надо простить.

Мы забываем о том, что Христос пришел спасти не только тех, кто Его принял, но и тех, кто Его распял. Если Он примиряется со Своими распинателями, и нам следует примириться со своими врагами. Эта христианская заповедь призывает к подвигу прощения. Без примирения Литургию служить нельзя. Первое условие Литургии: «хотя иерей божественную службу совершит, первое примирится ты опечалившимся». Так в Служебнике написано и касается каждого христианина. Вспоминая личную судьбу и национальную историю, необходимо решить болезненную проблему примирения: просить прощения и самому простить.

— Часто это примирение даже внутри одного рода, одной судьбы дается очень трудно. Кто-то из наших предков оказывается в числе перемолотых, а кто-то в числе неперемолотых...

— Прощение — такой же подвиг, как и покаяние. Оба подвига являются необходимым условием примирения. У Галича есть одно замечательное стихотворение, очень трогательное¹, когда лежат на соседних койках бывший заключенный и «вохровец» — его охранник. Как же им примириться? Смотрит бывший зэк в окош-

ко: там «сынок мой по тому ль по снежочку провожает вертухаеву дочку». Примирение необходимо, ибо жизнь продолжается в будущих поколениях. И должна продолжаться не в злобе, а в любви и в ладу.

— Примирение — не в забвении...

— Нет, конечно. Забывать ничего не надо. Надо каяться и прощать.

Беседовали члены
Св.-Троицкого братства

¹ ...Справа койка у стены, слева койка, Ходим вместе через день облупаться, Вертухай и бывший «номер такой-то», Вот где снова довелось повстречаться! Мы гуляем по больничному садику, Я курю, а он стоит «на атаке», Заливаем врачу-волосатику, Что здоровье — хоть с горки катаясь! Погуляем полчаса с вертухаем, Притомимся и стоим отдыхаем. Точно так же мы «гуляли» с ним в Вятке, И здоровье было тоже в порядке! Справа койка у стены, слева койка, А за окнами февральская вьюга, Вертухай и бывший «номер такой-то» — Нам теперь невмоготу друг без друга, И толкуем мы о разном и ясном, О больнице и больничном начальстве, Отдаем предпочтение язвам, Помереть хотим в одночасье. Мы на пенсии теперь, на покое, Наши койки, как суда на приколе, А под ними на паркете из липы Наши тапочки, как дохлые рыбы. Спит больница, тишина, все в порядке, И сказал он, приподнявшись на полке: «Жаль я, сука, не добил тебя в Вятке, Больно ловки вы, зэка, больно ловки...» И упал он, и забулькал, зайкал, И не стало вертухая, не стало, И поплыла вертухаева койка В те моря, где ни конца, ни начала! Я простышкой вертухая накрою... Все снежок идет, снежок над Москвою, И сынок мой по тому по снежочку Провожает вертухаеву дочку... (Из стихотворения Александра Галича «Желание славы»)